

ХРОНИКИ СВЕТА

Долина людей.
На пороге большой войны.

16+

Часть первая.

Роман Аментиус

Роман Аментиус

**Хроники Света. Долина
людей. На пороге большой
войны. Часть первая**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Аментиус Р.

Хроники Света. Долина людей. На пороге большой войны. Часть первая / Р. Аментиус — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Новый свободный отряд Клиса выступает в свой первый тренировочный поход. Простое задание на выживание превращается в череду невероятных событий. Сказки-страшилки для детей обретают реальность. Чтобы выжить, командирам Хмурой и Белке приходится принимать непростые и жестокие решения, разгадывать тайны, сражаться со свирепыми существами и противостоять магии. От каждого принятого решения зависят не только жизни бойцов, но и судьба Клиса. Хватит ли героям сил, смелости и решительности, чтобы пройти свой путь до конца?

© Аментиус Р., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог.	6
Долина людей. На пороге большой войны. Часть первая.	7
Глава 1. Радужные закаты.	7
Глава 2. Вилка. Угрюм. Лук.	11
Глава 3. Рассказ Угрюма.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Хроники Света.

Пролог.

Приветствую вас, бойцы свободных отрядов!

Зовут меня Ксор. Я – Генерал Клиса, Лорд-протектор свободных земель Долины. Как и любой генерал решил я взяться за мемуары и исторические хроники Свободных отрядов. Вот сперва все писал сухо, лишь описывая хронологию событий. Факты всякие излагал, да даты указывал. Ну, обычные такие мемуары, дабы будущие поколения бойцов ориентировались в истории Клиса. Да вот не по нраву мне такой стиль повествования. Все же не историк я, а такой же, как и вы, боец.

В прошлом уже лютые события защиты Света от темных противоестественных врагов. Не всю заразу мы выжгли, затаились они, гадины потусторонние. Казалось бы на первый взгляд, все, конец этой бесконечной войне. Да опять тучи сгущаются на горизонте. А посему, дабы вы понимали, что значит Клис, и какой суровый путь мы прошли, решил я изложить события так, как они происходили через истории непосредственных участников. Что-то я записывал по памяти, что-то – со слов участников, а что-то брал из полевых заметок бойцов. Отдельные части этих мемуаров изложены самими участниками.

Думаю, нет, даже уверен, чтобы побеждать, нужно знать не только историю. Нужно понимать, что такое Клис. Это не просто поселение, не просто уже Протекторат Долины, не просто участник и основатель Альянса Свободы Света. Клис в первую очередь – это мы, люди, существа, бойцы. Это, по сути-то, и есть свобода, справедливость. К теперешнему статусу поселения мы пришли, принимая суровые, на первый взгляд жесткие, а порой даже очень жесткие решения. Много смертей было положено на основание Альянса. Много хороших бойцов забрала эта война с тьмой. И эта потусторонняя тьма рассеялась только благодаря людям, их отваге, их несгибаемым характерам. Только благодаря тому, что несли они свет свободы, не жалея своих жизней. Загнали ее, погань эту потустороннюю, в самые удаленные уголки Света. Казалось бы, загнали. И вот снова беспокойно. Опять грядет лихое время.

И дабы справиться со всеми грядущими тяготами, думаю, мое повествование будет вам полезным. Посмотрите на мужественных, сильных и бесстрашных участников событий, изучите их решения, ознакомьтесь с их тактикой. И помните, что все это простые люди, даже и представители других рас, но простые, обычные. Со своими переживаниями и страхами. Но они смогли преодолеть себя, устояли перед лицом жуткого противника. Не сломались, но закалились и дали отчаянный отпор тьме.

Помните, что Клис – это мы, бойцы и гражданские, преданные идеалам свободы и добра. Помните, что зло творится не там, где есть злые существа. Зло происходит там, где добрые существа равнодушны. И не судите строго за стиль повествования, я в первую очередь боец Клиса, прошедший свой путь от зеленого юнца до престарелого Генерала. И лишь во вторую очередь я историк Клиса и сочинитель мемуаров. Да и не просто мне было разговорить соратников, просить рассказать об их мотивах и переживаниях. Но я старался сохранить индивидуальности всех участников, без прикрас. Пожалуй, хватит этих слов. Дерзайте, бойцы, смело и бесстрашно несите службу. Клис – это вы! Свобода в ваших руках. Не посрамите Клис!

Долина людей. На пороге большой войны. Часть первая.

Глава 1. Радужные закаты.

Стоял обычный теплый летний вечер. Деревня Трофов засыпала. Лавочники закрыли уже свои лавки и увезли свой нехитрый товар на склады. Те, кто победнее, оставляли товар ночевать прямо в лавках, на свой страх и риск. Уже и из трактира не было слышно обычных веселых криков и песен. Только мельница семьи Ксора тихонько поскуливала при мерных оборотах под легкими порывами теплого ветерка. Деревня засыпала. Ксор тоже лежал на своей лежанке из соломы в подвале мельницы. Ксор любил это время. Работа закончена. Отец больше не ищет способов привлечь его хоть к какой-то работе. Мать не пилит его вопросами о будущей жизни. В небольшом окошке под потолком пробивались всполохи радужного заката. Закаты такие были редкими, несколько раз в год. Кажется, что в последнее время они случались все чаще, чему Ксор был рад.

Закат был красив. Кроме обычных кровавых красок засыпающего света в небе яркими вспышками разлетались оранжевые всполохи. Они угасали в фиолетовых вспышках, которые постепенно растворялись в кровавом небе. К этому буйству цвета добавлялись бирюзовые оттенки от далеких взрывов на метридиевой шахте. Шахта находилась очень далеко от деревни Трофов, поэтому раскаты взрывов не долетали до деревни. Только бирюзовые вспышки вплетались в игру красных, оранжевых и фиолетовых цветов. Ксор любил смотреть на радужные закаты. Он рассуждал о глупости старейшин, которые рассказывали, что когда-то очень давно закаты были лишь красными. Но несколько столетий или тысячелетий назад произошло столкновение трех миров. Вроде как эти миры воевали. Воевали каким-то странным технологическим оружием. Воевали за господство над мирами. Но столкновение миров положило конец этой войне. Все войны исчезли. Оружие пропало. В наследство остались лишь радужные закаты. Поговаривали, что где-то далеко, на севере, еще видны осколки других миров, висящие прямо в небе. Но там никто не бывал, так как там оранжевые и фиолетовые вспышки испепеляли все живое. Ну не смешно ли? Как эта красота может кого-то испепелять? И даже если испепеляла, то как кто-то смог пережить это и принести эти истории к нам? Он бы точно так же, как и все, испепелился и не смог бы ничего рассказать. Глупости какие! Ну какие три мира? У нас есть только наш мир, наш Свет. И что еще за технологическое оружие? Вот лук или клинок – это оружие. Вот о таком оружии Ксор мечтал. Но оно было слишком дорогим для него. На те гроши, что давал отец в конце недели за его работу на мельнице, не то, что оружие, даже леденца не купишь. В общем, думал Ксор, это все глупые страшилки старейшин. Они запугивали трофов, чтобы те только работали на благо деревни и не помышляли даже о путешествиях и переезде. А радужные закаты – это просто красиво. Ксор любил за ними наблюдать.

Вот некрасиво – это метридиевые шахты. Там были очень суровые условия работы. От взрывов работники часто погибали. К тому же незакаленный и необработанный метридий был ядовит. При неловком обращении можно было обжечься и отравиться. И потом только милостыню просить, пряча свои язвы и ожоги в грязном балахоне. Ксор видел таких несчастных на рыночной площади. Вот только часто вместо милостыни этих нищих пинали и кидали в них камни. Особенно солдаты Империи Винов. Да и какие они работники? Никто по своей воле на эти шахты работать не пошел бы. Туда попадали за долги. За преступления. В основном, за мелкие преступления. За преступления против Империи – а это мог быть даже косой взгляд на солдата империи – часто казнили на месте. Но только не по своей воле попадали

на шахты. Хотя поговаривали, что вольнонаемным там неплохо платили. Может, и на какой-нибудь плохонький лук денег хватило бы. Но Ксор понимал, что такой вариант вырваться из деревни слишком опасен. Быть может, пойти в солдаты? У них регулярное жалование. Они и питались в трактире за полцены. Поговаривают, что на пенсии им выдают участки земли где-то у южных гор. Всего тридцать лет службы. Но солдаты же не просто собирают дань да пьют в трактире. Они и воевать должны. А на войне можно и погибнуть. И не видать ни жалования, ни земли. Нет, и это для Ксора не вариант. Ему бы приключений побольше, да денег, а вот опасностей да риску поменьше.

Но что же делать Ксору? Очень скоро ему будет шестнадцать. Старейшины выдадут ему метрику, назовут взрослым, и придется принимать решение, как быть. Остаться на мельнице? Но больше того, что он имеет от отца, он не будет получать. Объем муки не такой и большой для нужд деревни. Да еще и солдаты каждый месяц забирали двадцать процентов в доход Империи. Нет, карьера мельника не для Ксора. Много работы, мало денег и никаких перспектив.

Ксор хорошо разбирался в травах. Никто его не учил. Он просто видел растение и понимал его полезные или опасные свойства. Какое-то свечение от растений исходит. Зеленоватое – хорошее растение, лечебное. Желтоватое – можно добавить в пищу. Красноватое – ядовитое или просто горькое в зависимости от оттенка. Однажды он рассказал об этом матери. И она очень испугалась. Строго приказала никогда и некому не говорить, что он видит растения. Она сказала, что только муты могут что-то такое видеть или делать. Но муты – они же уроды и отщепенцы. Солдаты на таких охотятся и куда-то уводят. Наверное, на шахты. К тому же все муты выделяются уродством. Ксор видел, правда, только одного. Какой-то весь больной, с язвами на лице. И с третьим глазом во лбу.

А Ксор не такой. Он не урод. Не красавиц, конечно, но и глаз, и других частей тела у него ровно столько, сколько нужно. И все же матери он поверил. И никогда никому не говорил о своем видении. Еще Ксору запрещали коротко стричься. Надо, говорила мать, чтобы волосы скрывали его чуточку острые уши и шрамы за ушами. Однако уши его отличались от ушей других людей в деревне ну совсем-совсем чуточку. А шрамы? Шрамы – это же вообще очень круто! Отец говорил, что Ксор мелким еще спиногрызом упал в жернова, чудом спасся, отец заметил и вытащил. Ну это же крутейшая история! Он мог бы хвалиться перед другими мальчишками, рассказывая эту опасную историю... Но раз мать сказала, он не мог ее послушаться. А то и правда, назовут мутом да заберут на шахту или куда там солдаты их уводят. И еще они строго настроено запрещали ему купаться в больших водоемах, особенно в море. Так вдолбили этот запрет, что он уже боялся этих водоемов. Хотя в близлежащей местности отродясь никаких водоемов не было.

Вот травы можно было бы продавать и в пекарню, и в трактир, и тетке Черке в лечебную лавку. Чем Ксор иногда и занимался. Деньги тоже небольшие. На лук копить год, наверное, надо. Проблема только в том, что все интересные травы росли в Черном лесу. Лес как лес. Вовсе не черный. Обычный такой лес с деревьями, белками и ягодами. Белки там, к слову, крупные были. Порой, не меньше лисицы. А вкусные! Пальчики оближешь! Но, видите ли, Черный лес был имперским, деревне не принадлежал. А другого леса рядом не было. Ни белого, ни синего, вообще никакого. Только Черный. Имперский. А раз имперский, то для того, чтобы там охотиться, собирать что-то, нужна была имперская разрешительная грамота. Которая стоила тысячу денег за три месяца. Ксор же в неделю зарабатывал у отца монеток тридцать или сорок. Эту тысячу он бы ну очень долго собирал. Это если вообще монетки не тратить. А у него еще и заначка была на лук. Там, в западной стене мельницы на первом этаже был его схрон. Ксор выдолбил один камень и за ним прятал свои монетки. И было там не много, монеток двести. И это за несколько лет удалось схоронить. А если поймают солдаты в лесу без лицензии, так если на шахты и не уведут, то угостят плетью, ударов эдак десять, а может и все двадцать. Да

и налог на дичь и растения был высок. Могли треть забрать, а могли и две трети. Говорят, охотники так только на еду зарабатывают, если не проносить добычу контрабандой. А это риск провести несколько лет на шахтах. Сборщики же могут выжить только в гильдии, так как там есть зарплата. Но вступить в гильдию Ксор не хотел. Там еще и в артель платить нужно.

Можно было бы попытаться заняться индивидуальным поиском трофеев. Все же живет в деревне Трофов. Правда, опять же, лицензию нужно покупать, дорогую, денег триста вроде. А найдет ли он хоть что-то – не факт. Говорят, в лесу много трофеев. Остались после столкновения миров. В основном, это железяки бесформенные. Опять это столкновение. Глупость несусветная! Из тех знаний, что давали в деревенской школе, ему запомнился урок по истории. Раньше, говорила учительша, были большие города, была технология какая-то, даже повозки были без лошадей. Самокатные повозки. Рассмешила она тогда класс. И после того урока учительшу эту больше никто не видел. Наверно, уже на шахтах работает. Жалко, хорошая была учительша. Но что Ксор понял, так это то, что может и действительно, раньше люди жили лучше. А потом что-то случилось. Не столкновение, конечно. Ну как миры могут столкнуться? Да и какие миры, если у нас всего только наш Свет и есть? Вот война какая вполне могла случиться. Или пожар. Рассказывали, что до его еще рождения чуть полдеревни не сгорело. А если бы лес загорелся, то и другие бы поселения могло спалить к лешему. В общем, что-то могло случиться в Долине, и хорошая жизнь кончилась. Только трофеи в лесу остались. Вот их собирать можно было бы.

Гильдия Трофов если находила что-то интересное, то империя много денег за это давала. Тогда в трактире могли и за полцены покормить. Но не так уж часто поисковики что-то приносили. Может, уже все отыскали? Что хорошо было в гильдии, так это имперская ежемесячная зарплата. Давали аж десять денег за просто так. Ксору, чтобы заработать десять денег, нужно было вкалывать на мельнице месяца четыре. И, главное, неважно, нашел или нет, ты, главное, ходи искать. Вот только возвращались из леса не все. Кто возвращался, говаривал, что что-то там черное, страшное забрало поисковиков. На то он и Черный, лес этот наш. Ксор не верил. Пугают, чтобы меньше было желающих в гильдию вступить. Сбежали, наверное. Нашли что-то хорошее, сами, без сдачи в гильдию, отнесли трофей в Имперский Город. Разбогатели и ушли куда, где лучше. В общем, не уверен был Ксор в карьере сборщика.

Как ни крути, а почтовым скаутом хотелось быть Ксору больше всего. Вот там жизнь. Сопровождаешь себе почтовые повозки или целые караваны. А тебе за это платят. И мир можно посмотреть. Зарплата, опять же, имперская, раз в пять больше, чем у в гильдии Трофов. И премия, если повозка дошла до другой деревни и вернулась. Если ходить с караванами только в пределах округа Имперского Города, то всегда возвращаются скауты. Вот если идет скаутский отряд в неизвестную землю, то тут могут быть проблемы. Такие отряды чаще не возвращаются, чем возвращаются. Так может потому, что там, в неизвестных землях лучше, чем у нас, в Империи. Правда, вступить в скауты не так просто. Не дает Империя скаутам ничего, кроме зарплаты. Оружие нужно свое, ездовое животное свое. Вот и копит Ксор на лук. Хотя бы на лук. А кобылка-то есть почти. Когда кобыла Кляча разродилась двумя жеребятами, отец пообещал, что как получит Ксор метрику, так и отдаст ему одного жеребенка. Ежика. Он, конечно, не ежик никакой, а самый что ни на есть жеребенок, но вот грива у него короткая и стоит ежиком. Отсюда и прозвище такое. Сперва соседи думали, что Ежик мут. Даже имперский лекарь приходил, смотрел. Важно ходил вокруг Ежика, из сумки своей что-то доставал да к Ежиковой голове прикладывал. Даже кровь пустил ему и пару капель взял, по стеклу размазал да через трубку рассматривал. Сказал, что обычный Ежик, не мут. Просто такая вот странная порода. А мы и так знали, что он нормальный. И без лекаря имперского знали, и платить не нужно было целых пять денег за осмотр. А все эти соседи идиотские. Только зря кровушку Ежикову по дорожному стеклу размазывал. Только самые богатые деревенские могли позволить себе стеклянные окна. Большинство же, как и семья Ксора, довольствовались растянutoй

кожей мочевых пузырей лесных тупоящеров. Это здоровые, с человека ростом тупые травоеды. Они действительно были тупы: людей, говорят, не боялись и не убегали. Тушу такого мимо имперцев охотнику не пронести, а вот на контрабанде мочевых пузырей многие охотника кормились.

И уже засыпая, когда радужный закат догорал, Ксор еще раз уверился, что нужно идти в скауты. Вот только оружие достать. Лук. Подкопнуть только. И, видимо, все же придется в лес сходить потихоньку. Набрать какой травы лечебной. Тетка Черка хорошо платит. Лишь бы имперцам не попасться.

Глава 2. Вилка. Угрюм. Лук.

Проснулся Ксор рано, засветло. Чтобы успеть до работы у отца сбежать в сарай к Угрюму. Угрюм – наемный работник отца. Как его звать, никто не знал. Был он угрюмый и не разговорчивый. Поэтому и звали его Угрюмом. Работал он хорошо, денег много не просил, получал раза в четыре больше, чем Ксор. Ну и столовался с семьей Ксора. Жил в старом сарае, который никак не использовался. Для хранения инвентаря и муки хватало и второй комнаты мельницы и ее подвала. Пришел Угрюм к ним сам, может, несколько месяцев назад, может чуть меньше или больше.

Как-то отец отправил Ксора позвать Угрюма к завтраку. Ксор решил прокрасться и разбудить Угрюма. Зашел тихонечко в сарай. Уже готов был громко зарычать да напугать. Да не вышло. Как только Ксор проскользнул в сарай, кто-то резко рванул его в сторону и придавил что-то острое к горлу. Ксор только и успел, что заорать, да не заорал. Тяжелая ладонь зажала ему рот.

– Ксор, ты что ли? – услышал Ксор. И то ли пропищал, то ли просипел Ксор, что, конечно же, это он. Что-то острое – это была обычная вилка. Хотя не обычная, а металлическая, редкость. Все в деревне ели деревянными приборами. Металл, особенно хороший благородный металл, вообще был редкостью. Оружие было из металла, но часто из плохонького. А все, что можно было сделать из дерева или камня, было в деревне каменным или деревянным. А еще металл был дорогим. Никому бы в деревне не пришло в голову делать из него вилку. Ну хотя бы нож. Возможно, гвозди. Или вообще продать. Но вилка? Да и сам металл вилки был серебристого цвета, блестящий. В деревне все практически металлические предметы были или ржавыми, или цвета ржавчины. Даже у имперских солдат мечи отдавали желтизной. А тут вилка! Вилка больше не давила на горло Ксору, его рот ничья ладонь не зажимала. Оказалось, что это Угрюм его сграбастал, да так лихо и быстро. Ужас...

– И зачем же ты крался? Я ведь мог и удавить ненароком, – сказал Угрюм.

– Да пошутить я хотел, напугать немного, – хныкнул Ксор, потирая саднящую грудь.

– Шуточки, однако. Не надо так шутить. Так шутить опасно, – изрек назидательно Угрюм.

– Да я уж понял, не дурак, дурак бы не понял. И опасно, и больно. Вон как грудь болит, а мне еще работать. Зачем же ты так? – спросил Ксор.

– Не знаю даже. А вдруг бандиты? Мало ли, кто тут ошивается, мельница-то на отшибе деревни, – уже несколько сконфуженно проговорил Угрюм.

– Ха, бандиты, ну-ну... Имперские солдаты же в деревне квартируются. Всех бандитов разогнали уже давно. Слышь, Угрюм, а как ты так лихо-то меня скрутил? Мне бы так уметь...

– мечтательно заявил Ксор.

– Бандиты, имперцы... Один черт... – Угрюм замялся, словно сказал лишнего.

– Ого, ты вот так вот открыто говоришь, что солдаты – это бандиты? – Ксор был искренне удивлен смелостью Угрюма. И напуган. За такое можно и на шахты попасть. А можно даже и не доехать до шахт. Прямо на месте бы и порешили солдаты. Или подождали бы до вечера и вздернули у Ратуши. Странный этот Угрюм. То слова не вытянешь, то разболтался и на имперцев бочку погнал.

– Да это я так. Ты просто не понял. Мал еще, чтобы понимать взрослых. Что хотел-то, сорванец? – спросил Угрюм, явно пытаясь перевести разговор в другое русло. Ну очень он странный.

– Да я это. Ничего и не говорю. Я это... Ну вот как ты меня так за руку и вилку к горлу. И вилка то какая непростая. Откуда у тебя такая? А ты бы мог меня научить так лихо скручивать людей? – Ксор решил прикинуться глупым, а заодно и, чем черт не шутит, попросить уроки рукопашной схватки. Такое явно пригодится скаутам.

– Вилка как вилка. Это так. Из прошлого. При чем тут вообще вилка? Да и обычная она вилка. Ишь... Научить. Учить – это работа. За работу платить надо. А чем ты платить-то будешь, мелкий? – начал быстро-быстро говорить Угрюм. Ну точно хочет с темы съехать. И про вилку как сказал. Ишь ты, из прошлого. Что-то с ним и его прошлым определенно мутное. Надо бы разузнать как-то. Да и воспользоваться этим вот знанием можно как аргументом. Ксор внутренне улыбнулся.

– Да. Научить. Ну так прям и работа? Учительшам же мы не платим. Они просто так детей учат. Вот я ребенок еще. Вот и научи меня просто так. Что тебе стоит-то? А я, может, тогда и не скажу старосте ничего про имперских бандитов. И про вилку тоже никому не скажу. Я вообще уже забываю, какая еще вилка? – нагло заявил Ксор, стараясь не засмеяться.

– Ну ты и... Бандит ты, Ксор, вот что я тебе скажу, – угрюмо буркнул Угрюм. – Ну может и научу. Ты это, рано вставать можешь? Да и зачем тебе ученье такое? Лучше бы больше за отцом мельничью науку постигал.

– Я вообще могу не спать, например. А мельница... Да ну ее, эту мельницу. Я скоро уже метрику получу и хочу куда-то отправиться. Не хочу я в этой деревне дальше жить. Вот в скауты, может быть, я хочу податься. А там такое умение пригодится. – честно ответил Ксор. – И никакой я не бандит. Ты сказал – платить, вот я и плачу. Сам же знаешь, что молчание – тоже золото, даже, бывает, дороже золота. А денег у меня все равно нету. Ну чем мне еще платить? Хочешь, я тут буду прибираться у тебя? Развел тут свинарник...

– Ишь... В скауты. Может, ты сразу уже утопиться? Все равно пропадешь. Все скауты пропадают. Глупые они. Умные в скауты не пойдут, – высказался Угрюм. – И ничего тут не грязно. Это у меня такой порядок. Чай не в казарме. Вещь проще найти.

– Угрюм, ты научи, а там я уже сам решу, топиться, пропадать или про бандитов рассказать, – упрямо и смело заявил Ксор. И тут же задумчиво спросил: – Ты бывал в казармах?

–Ого! А ты с характером. Ну может, и не пропадешь. Ладно. Уболтал. Будет тебе наука. По утрам. Каждый день с петухами приходи. Будем учиться борьбе. Может, даже, не только рукопашной. Не бывал я ни в каких казармах. Присказка это такая. Чей-то плохонько тебя учительша учит, – промолвил Угрюм.

Ксор обрадовался. Действительно, если уж и связать свою жизнь с почтой и скаутами, то нужно же как-то подготовиться. Умение драться, рассуждал Ксор, очень нужный навык для этой работы. Да, в деревне мужики, бывало, дрались. Даже на ярмарках ежеквартальных устраивали кулачные бои. Но то бои кулачные. Дрались как на улице. А вот как солдаты, нет. Ксор как-то видел, как солдат разнимал дерущихся пьяных у трактира. Так он одного двинул ногой в грудь, а второго так вообще перебросил через себя. А потом так лихо скрутил им руки и потащил обоих в каталажку. Так деревенские не умели. А вот этот угрюмый простоватый увалень Угрюм оказывается что-то такое умел. А может не такой он и увалень? Ксор был неглупым парнем. Соображал быстро, когда надо. Он вон и писать, и считать умел лучше всех в классе, но особо не рисовался своими умениями. Он понимал, что что-то такое странное с этим Угрюмом. Что-то он скрывает. Не боится имперцев называть своими именами. И вилка эта опять же. У аристократов такие приборы, говаривали, бывают. Аристократы или знать – это отдельная каста в империи винов. Их было мало. И мало было тех, кто видел аристократов воочию. Кажется, в Городе была одна семья. А так, говорят, они жили в Центральном Городе империи Винов или попросту Имперском городе. В деревню так, сколько себя помнил Ксор, они носа не казали ни разу. Угрюм же совсем не был похож на аристократа. Наемники еще, говаривали, пользовались металлическими приборами. Но откуда тут наемники из Клиса? В деревне есть гарнизон имперцев, который отвечал за защиту. Да и наемники денег немало просили.

Может, Угрюм наемник? Да ну, вряд ли. Те хорошо в своем Клисе зарабатывали. Мог быть дезертиром, конечно. Но не слыхивал Ксор, чтобы наемники Клиса дезертировали. Скорее где-то украл. Вот может в казарме у наемников и украл? Угрюм не местный. Как появился

он в деревне, так и устроился батрачить у отца. Практически за еду. Странно. Очень странно. Нужно разобраться. Ксор не любил, когда что-то не понятно. Стало быть, нужно сделать, чтобы было понятно. Ну ничего, как-нибудь да разговорит Угрюма.

И уже следующим утром Ксор встал очень рано. Было еще темно. Над землей стоял туман, густой, белый как молоко. Сарая Угрюма даже не было видно в этой дымке. Идти пришлось наугад. И было зябко. Ксор немного жалел, что не остался на теплой лежанке из соломы. Но он был возбужден и в предвкушении. Ему было интересно, чему же научит его этот странный Угрюм.

В сарай Ксор зашел нарочито громко, чтобы опять Угрюм его не заломал. Мало ли что? Станный он.

– С добрым утром, Угрюм, – весело сказал Ксор. – Я пришел, как ты и сказал, рано. Готов учиться.

– Ишь какой готовый-то. Ну давай заниматься, что ли. Но сперва сделай-ка мне чаю. Уважь учителя! – нагло заявил Угрюм. Конечно, можно было и поартачиться. Но что-то подсказывало Ксору, что лучше сделать этот дурацкий чай. Ксор набрал воды в ржавый самовар и подсыпал углей из очага. Угли еле тлели. В сарае было свежо. Ксор немного раздул угли в очаге, подбросил несколько поленьев.

– Ксор, ты какой-то тощий и мелкий. Тебе, вообще, сколько лет-то? – спросил Угрюм.

– Пятнадцать говорят родители. Почти взрослый. После получения метрики нужно выбирать ремесло. Мать уже все уши прожужжала. Чем ты, мол, заниматься будешь? Учись у отца лучше. А я не хочу на мельницу. Хочу... Не знаю. Свет посмотреть. На почту, думаю. В скауты. Вот и к тебе пришел учиться, чтобы какие-то полезные для этой работы навыки получить, – поделился своим сомнениям Ксор.

– Да уж, в скауты – это всяко не мешки с мукой таскать. Драться уметь надо, согласен. Мало ли, бандит нападет. Или вообще призрак. Вот я бы посмотрел, как ты с призраком драться будешь, – не такой как всегда угрюмый Угрюм заржал в голос.

– Призрак? Да ладно тебе. Все знают, что это сказки. Малышню только пугать. Нет никаких призраков, даже в Черном лесу, – расхрабрился Ксор. Но голос был не такой уж и уверенный, Угрюм посеял в нем некое сомнение. Почему-то ему хотелось верить.

– Да ладно, это я так, пошутить изволил. Ты же шутник, шутки-то любишь, всяко! – продолжал улыбаться Угрюм, допивая приготовленный Ксором чай. – Ладно, чайку попили и будет. Начнем науку. Я к чему о том, что ты тощий. Ты слабый. И не надо так на меня смотреть! Для умения драться нужна сила. А силу нужно тренировать. Мешки, я вижу, ты вроде отцу помогаешь таскать. Но все равно слабый. А может, просто мелкий. Но таки я о тренировке. Значит смотри...

Угрюм и улегся животом на пол, потом уперся руками и носками ног в пол. Потом прижался к земле и выпрямился на руках. После она встал и сказал: – Вот это называется отжиматься. Ну как на девке, только без девки. Ну это, наверно, рано тебе знать. Не об этом. Стало быть, будешь так делать каждое утро как можно больше раз. Попробуй.

Ксор попробовал отжаться. Было сложно. Очень. Он смог отжаться раз восемь.

– Угрюм, видишь, как много я сделал, – тяжело дыша, решил похвалиться Ксор.

– Тьфу, много, ага. Прямо как для лягушонка много, – опять заржал Угрюм. Какой-то он ну совсем не угрюмый стал этот Угрюм. Ничего, посмотрим еще, кто будет потом смеяться. Но в глазах у Ксора предательски заколосилось. – Короче, ты не расплачься только. Что ты, как девка, ей-Богу! Пришел учиться, так учись. Не велика наука. Вот так каждое утро, повторяю. Когда сможешь делать сто раз, тогда и поговорим, лягушонок. Ну то есть, Ксор.

И Угрюм стал отжиматься. Быстро-быстро. Ксор потерял счет где-то после ста. Угрюм же продолжал показывать. Ксору было обидно. Он вообще не любил этих зеленых склизких

болотных гадов. Было ну очень обидно. Но он видел, что Угрюм может. И тоже захотел так уметь. Стать сильным. Перестать быть лягушонком в глазах этого странного человека.

– Значит дальше. Тренировать руки будешь еще так, – Угрюм повис на перекладине у крыши сарая и начал подтягивать тело вверх, остановился, когда перекладина оказалась на уровне груди. – Вот. Это тоже для рук. По науке драки – подтягивание называется. Найдешь на верхнем этаже мельнице балку, на ней можешь тренироваться. Ну или в лесу, в Черном, на дереве. Как древесная лягушка, стало быть.

Лицо Угрюма было угрюмым как обычно, но в голосе явственно слышалась улыбка. Угрюм еще показал несколько упражнений. На какой-то пресс. Опять же, сгибаться, как ужаленная лягушка, сказал. Еще нужно было приседать. Много. И с мешком муки на плечах. И еще делать разные штуки, которых он никогда не делал. Да и мысли заниматься такой ерундой никогда не было.

– Угрюм, а это точно нужно? Или ты так решил меня проучить? Я же не забыл про вилку, блестящую такую. Может, старосте будет интересно о ней узнать, – Ксор уже и сам не хотел лезть в бутылку, но по характеру был упрям.

– Опять эта треклятая вилка. А может, того, этого, проколоть тебе сердце этой вилкой, а? И куда тебя в колодец сбросить, или в болото? Или под трактир бросить, а? И геморроя-то больше не будет. И никаких занятий, а? Нафиг-то оно мне надо, а? – ну очень угрюмо и как-то даже с металлическим звоном в голосе спросил Угрюм. Стало понятно, что Угрюм мужик опасный. Действительно, совсем не деревенский глуповатый увалень. Было у него суровое прошлое. Сейчас он был больше похож на офицера имперцев, распекающего нерадивых солдат. А еще поселилось внутри Ксора какое-то необъяснимое уважение к этому странному мужику. И желание узнать его тайну.

– Ээээ... Угрюм, ну ты чего? – голос предал Ксор, было понятно, что ему страшно. – Я же просто хотел узнать, может ты надо мной издеваешься. Ну как-то это совсем не похоже на умение драться. Это, может, ты с отцом сговорился и учишь, чтобы я на мельнице легко отцу помогал мешки с мукой таскать? Я же готов учиться. Готов все впитывать аки губка. Но я хочу понимать, чему учусь.

– Вот ты какой, оказывается. Вроде и пацан совсем, а вроде и что-то есть в тебе взрослое. Ну попробуем быть откровенными друг с другом. Я таки берусь тебя учить, как если бы учил новобранца, даже может как воспитанника. К чему это я... Ах да... Буду что-то объяснять, а что-то ты просто будешь выполнять. Потом все сложится как пазл, – сказал Угрюм.

– Пазл? – с недоумением спросил Ксор.

– Ну да, деревня же... Прости. Ну... Сложится, в общем, из моих уроков потом целая у тебя наука и умение. Главное, не сачковать, – безапелляционно заявил Угрюм. – А упражнения? Ну вот нужны они. Это офэпэ. Хм... Ну это, тебе нужна физическая подготовка. Боевое искусство, это не только ловкость, не только умение, но и сила у тела должна быть, чтобы ты мог за себя постоять. Понимаешь?

– Кажется, да, – не очень уверено кивнул Ксор.

– Поймешь, – уверенно ответил Угрюм. И своим тоном он вселил некоторую уверенность в Ксора.

Вот так и начались занятия Ксора с Угрюмом. Через какое-то время Ксор смог и отжиматься по сто раз, и подтягиваться, и много приседать, и бегать. Да, Угрюм заставлял бегать Ксора по полям и предлесью. Были занятия и по боевому искусству. Ксор научился и бросать, и захватывать, и бить не только руками, но и ногами. Для этого пришлось через боль делать растяжку, чтобы ноги можно было повыше поднимать. Сложно было, но интересно.

В один из дней Ксор спросил, умеет ли Угрюм обращаться с оружием. С ножом там, или, что еще лучше, с луком. Оказалось, мог. Смастерил для Ксора из дерева и бычьей жилы лук, из которого учил стрелять Ксора по корзинам с соломой. Учил фехтовать деревянным мечом,

обращаться с деревянным ножом. Научил даже метать нож и топор. Учился Ксор стрелять и бить на звук в темноте. Многому учился, о чем и не думал раньше. Через какое-то время практически пропала эта обидная лягушка из лексикона Угрюма.

Они много разговаривали. Обо всем. Но не о том, что хотел бы знать Ксор. Ничего не рассказал Угрюм о себе, о жизни вне деревни. Да и вообще вел странные речи, что лучший бой – тот, которого удалось избежать. Ну вот зачем учиться тогда драться, если лучше драки избежать? Ответ был прост – не всегда боя можно избежать. Говорили они и о профессиях. Угрюм не был согласен с тем, что в деревне нечем заняться. Мол, уж лучше быть мельником, ибо за пределами деревни мир опасен, суров, и недружелюбен. Но не смог Угрюм убедить Ксору в том, что путешествия – не для Ксора. Хотя Угрюм признавал, что в деревне все очень по-деревенски.

Учиться Ксору было тяжело. Приходилось рано вставать, часто недосыпать. Отец регулярно ругал его за то, что он возится на мельнице словно сонная муха. Но со временем тяжелая работа на мельнице начала казаться уже не такой и тяжёлой. Ксор стал сильнее. Быть может, просто повзрослел. Чему родители были рады. Они не знали, что Ксор тренировался с тяжестями. Не знали они и о занятиях с Угрюмом. Как-то даже отец сказал, что из Ксора может быть и выйдет хороший мельник. Но сказано было не уверенно. Они часто разговаривали с родителями о его будущей профессии. И Ксор никак не мог дать определенный ответ, чем же он будет заниматься после получения метрики. Да и понимали родители, что не тот у Ксора характера, чтобы стать мельником. Он все же был больше мечтатель. Неопределившийся, как им казалось, мечтатель. Да и сам Ксор совсем не был уверен в том, что почта и скауты – это его выбор. Как вариант вырваться из деревни за сравнительно хорошую оплату – да. Но не мечта.

Незадолго до последнего радужного заката Ксор как обычно пришел заниматься к Угрюму. Он думал, что и сегодня они будут отрабатывать приемы борьбы, кулачного боя или фехтования. Но Угрюм отказался.

– Ты знаешь, Ксор, я уже давно не молод. В душе уж точно. Устал я тут, в деревне, засиделся с тобой на одном месте. Да, я выгляжу очень хорошо, хоть женись, – и заржал, как обычно. Но смех этот был не веселый. Что интересно, Ксор давно понял, что Угрюм совсем не такой уж и угрюмый, каким хотел казаться. Угрюмость – его маска, чтобы не выделяться в деревне. – Но мне уже тяжело учить тебя. Да и, думаю, чему мог, я уже научил. Дальше уже нужно оттачивать навыки со специалистами в фехтовании, в борьбе, в стрельбе. Общая же подготовка у тебя есть. И хорошая подготовка. Ты, считай, выпускник моей бойцовской академии. Да и вообще, чую, время поджидает.

– Ммм... Какой такой выпускник амакедии? – искренне удивился Ксор. – И почему время поджидает? Да и не похож ты на старика! Так и скажи, надоело со мной возиться?

– Ну да, не старпер, пожалуй. Дело не в том, что надоело. Поверь, что я мог тебе передать, я в основном передал. Дальше уже нужна хотя бы просто ежедневная тренировка для оттачивания навыков. Да и слухи интересные поползли. Ладно, об этом потом. И это, не амакедии, а академии. Эх, деревня... Ну это школа такая, только очень хорошая школа. И ты ее закончил. Могу диплом выдать, да бланка и печати нет, – и опять заржал. – Поздравляю, Ксор. Ты был моим лучшим учеником. Ну почти лучшим. Одна девчонка все же тебя обогнала в умениях и удали. Думаю, станешь начальником почтамта, если не передумал. Поздравляю, ты больше не лягушка.

– Ага, с шмакамедией понял. Что еще за почтамт? И почему лучший? Ты еще кого-то тренировал? Девчонку? Быть такого не может! Да им же только супы варить, да по хозяйству колдовать. Никто не учит девчонок. Ничего не понимаю. Угрюм, я же понимаю, что ты не тот, кем пытаешься казаться. Не деревенский ты. Почему ты не рассказываешь о себе? Ты же знаешь, что я хочу покинуть деревню. И ты знаешь, что там, за пределами деревни, – очень серьезно спросил Ксор.

– Ох, парень, знал, что ты не отстанешь от меня со своими вопросами, – как-то устало сказал Угрюм. – Сперва я просто взялся за обучение, чтобы как-то отвлечься от серых будней деревенской жизни. И втянулся. Ну или точнее так, необученный ты бы вообще не пригодился. Ну в жизни. В твоём будущем. Ох, сложно все вот так сразу говорить. Так, это... Старался вложить в тебя все свои навыки. Вижу, что научил тебя постоять за себя. Но не научил, от чего же тебе придется защищаться...

Угрюм замолчал. Он начал вышагивать из одного угла своей комнатухи в другой. Молча. Потом остановился у окна и какое-то время молча смотрел в него. Ксор не рещался прервать это молчание. Он ждал, когда Угрюм сам начнет говорить. И вскоре тот заговорил, все также продолжая смотреть в окно, сложив руки за спиной.

– Да, Ксор, мир очень большой, а деревня Трофов – лишь точка на карте. Поверь, жизнь тут максимально безопасна. Если ты не слишком туп, чтобы угодить на шахты, можно жить в относительном спокойствии. А там, в открытом мире, опасности будут подстерегать тебя за каждым кустом. Буквально. Жизнь в Империи сурова. Да и сама Империя вовсе не Империя, которой хочет быть. Это просто банда, разросшаяся банда, подмявшая под себя несколько городов в границах северных и южных гор, закрытая на западе метридиевым морем. Сейчас, конечно, эта банда носит гордое имя Империи Винов. Победителей так сказать, которые победили в междоусобице трех городов. Эти бандюги захватили власть и провозгласили Империю. Хотя до былых Империй им как до пустыни раком. Суть в том, что свободное передвижение граждан Империи если и не запрещено, то очень ограничено. Сам знаешь, что в деревню почти не приходят путешественники. Всех, кого встречают на дорогах без дорожных сертификатов или сертификатов гильдий, тех же Трофов или скаутов, без разбора имперские патрули уводят на метридиевые шахты. Поверь, малыш, люди нужны имперцам лишь как рабочая сила, которая работает на полях в деревнях, или на фабриках в городах. Им не нужны свободные люди, так как свобода вообще является врагом Империи. Были, конечно, у Империи противники серьезные. Может, и сейчас есть. Оторвался я немного от политической ситуации. Застрял тут с тобой. Тепереча все живут только в своих деревнях или городах и работают шесть дней из семи. И пропадают. Часто люди пропадают, – разоткровенничался наконец Угрюм. Он отвернулся от окна и пристально посмотрел парню в глаза.

– Как-то все очень мрачно, Угрюм, – неуверенно сказал Ксор. – Можно же получить дорожный сертификат и отправится, куда угодно. Были бы деньги. Да и приезжают к нашим иногда родственники. И наши деревенские ездили к своим родным и возвращались.

– Ну... Может я и сгущаю немного краски. Просто я за свободу. Посмотрел на этот мир и в каком-то смысле добровольно приехал сюда, считай, в ссылку. Ну как добровольно? Иначе и нельзя было. Не моя это картина мира. Когда-то мы воевали за свободу. Круто воевали, надо сказать. Опять не о том... Что-то я от этой спокойной деревенской жизнью стал любить пофилософствовать. А тут и поговорить-то не с кем. Все разговоры об урожае, трофах и ярмарках. Грусть-печаль... Так. О чем это я? Ах, да, дорожные сертификаты. Ну да, можно купить сертификат или даже получить бесплатно, если к родне или по делам куда. Но ты, во-первых, попробуй получить этот сертификат. Как зарядят цену непомерную! А у них же, кровопийц чиновничьих, нет жесткого тарифа. Сколько захочет имперский писарь получить себе отката, столько и скажет платить. Но даже если купишь или получишь ты этот сертификат, то сможешь лишь пройти по дороге из одного населенного пункта в другой. На дороге везде патрули имперские. Повозки и караваны должны идти по расписанию и отмечаться ко времени на каждой заставе. С дороги не свернуть. А ежели свернешь куда, патруль тут как тут за жабры и в шахту. А может и не в шахту. А может даже просто так патруль схватит. Ну рожей не вышел или приказ какой был, – грустно рассказывал Угрюм. – Вот, допустим, повезло тебе, смог ты уйти с дороги и пришел не в то место, до которого ты получил сертификат. И первый же патруль в городе проверит тебя. Если в сертификате указан другой город или у тебя вообще нет

сертификата, в лучшем случае, отправят на общественные работы на фабрику или в поле. А то и сразу на шахты. Нет у нас свободы передвижения. Или же жить в подполье, работать почти за еду на какого бандюгу. Нечего делать без документа в городе. Да и в деревне тоже сложно.

– Что-то ты лукавишь, Угрюм. Ты же как-то тут оказался. Ты же не местный. Я помню, – пожурил его Ксор.

– Так это же я. Я, можно сказать, профессиональный подпольщик, – заржал Угрюм, – знаю, что и как надо. Тут же в деревне писарем бездарь Крок служит. Он денежки любит больше жизни. Мать продаст, если хорошо поторговаться. Ну сунул я ему на лапу пару тысяч. Пообещал не высовываться. Вот и не высовываюсь у вас на мельнице, за тобой приглядываю. А он за это время еще толще стал, боров жирный. Как только сам ходит, ума не приложу.

– Ишь, какой ты прошаренный. Так может и мне купить у него сертификат какой, или даже несколько, положим, во все города? – с улыбкой спросил Ксор.

– Малыш, идея, конечно, хорошая. Да только где ж ты столько денег-то возьмешь. Тебе лет пятнадцать нужно будет без обеда и сна муку свою молотить, – громко рассмеялся Угрюм.

– Это да, деньги, будь они не ладны. Их мне нужно много. Но есть у меня мысли. Может, трава какая поможет. Давно я собирался в лес сходить, пособирать всяких растений. Ты знаешь, есть веселые травки, в чаек подмешать, повеселить писаря, – размечтался Ксор.

– Ага, повеселишь, а потом поржёшь на шахтах. Да и не будет он с тобой чай пить. Ты кто? Деревенщина, подмастерье мельника. Не ровня имперскому чиновнику. Ему только деньги твои будут интересны. Так что, как не крути, действительно, сертификат почтальона-скаута – лучший был бы вариант, – сказал Угрюм.

– Да, я уже давно думаю об этом. Но знаешь, хотелось бы открытый скаутский сертификат на исследование неизвестных земель. Он и стоит-то сущие копейки, – мечтательно хмыкнул Ксор.

– Ну да, стоит-то копейки. В буквальном смысле. В города им дороги закрыты. Где выдали сертификат, туда и возвращаться нужно. Чиновники в Империи не дураки, все продумали. Но многих ты свободных скаутов знаешь? – спросил Угрюм.

– Не то, чтобы знаю, не ручкался. Но Варфоломея видел и напарника его, Тощего. Дважды они возвращались. И имперцы им денег будь здоров отвалили, – уверенно сказал Ксор.

– А, эти раздолбаи. Ну да, ну да... Эти дважды вернулись. А вот остальные не вернулись. Говорю же, имперские города и дороги, это меньшее из зол. За пределами городов, деревень и дорог черте что творится. Даже бандиты не отваживаются далеко отходить от патрулируемых земель Империи. А там? Как минимум, злобные животные, совсем не тупоящеры. Да те же призраки, муты, темные, да полно всякой нечисти. Поверь, даже поход в глубь Черного леса покажется тебе увеселительной прогулкой. И это только объективная сторона, – сурово высказался Угрюм.

– Ой да ладно. Опять ты со своими страшилками. Ну какие еще призраки. Какая нечисть? Единственный, кто видел призраков, так это алкаш Сосед с кукурузной фермы. Да и видит он их все больше в подворотне трактира после бочки выпитого эля, – заухмылялся Ксор.

– Не скажи, малыш, не скажи... Не рассказывал я тебе толком-то ничего. Ну что ж... В общем, повидал я нечисти и даже нежити. Да и Белка кой-чего рассказывала. Например, на пути сюда мне пришлось сойти с большого тракта. Это, как ты знаешь, основная дорога в Долине между городами. Из одного из городов я выбрался без сертификата, вот и пошел по дурости напрямик, чтобы не связываться с патрулями. Шел я днем, тепло было. Вроде хорошо все. Какие-то твари взялись было меня преследовать, но запустил зажженную стрелу в их сторону, они и отстали. Стрела, правда, последняя была. Искать было боязно. Думал настругать вечером новых стрел. Да где перья-то взять было? Решил к вечеру смастерить силки, да поставить на ночных щелбетах, перья у ни в самый раз на оперение. Но вечер мой не задался. Стало резко холодать. И холод такой пронзительный, не похожий на летний вечер. Аж пар изо рта.

Ну прямо зима среди лета. Шорохи пошли кругом. Как будто кто-то среди деревьев по кругу ходит. И знаешь... Я практически ничего не боюсь, всякого повидал. А тут страх такой, ну как девка ночью из избы в сортир пошла, холодный... Липкий страх накатывает. Прямо ужас... Внутри паника разгорается. Хочется просто бежать куда глаза глядят. Еле себя сдерживаю, стою, лук достал, зыркаю по сторонам. Потом такой утробный вой начался. То с одной стороны, то с другой. Я как юла верчусь, луком тычу по сторонам. Но нет никого. Ускользает. Уже ночь была, темная, ну обычная такая темнота, силуэты видно, траву там, деревья. А потом раз. И вообще ничего не видно, как в отхожую яму нырнул. Страх уже рвет жилы, кровь как ледяная вода вены обжигает, сердце в седалище. Стою трясусь, чуть ли не писаюсь. Понимаю, что ничего сделать не могу, руки с луком начали опускаться. Уж не знаю как, но почувал, что со спины что-то надвигается. Развернулся и чуть не обгадился. Посреди черноты рожа лютая серебристая. Воет как адская собака. Вместо глаз дыры, а зубья то, зубья как кинжалы. Пасть свою разинул и, чую, прямо голову мою сожрать, гад потусторонний, собрался. Все, думаю, приплыл. Сейчас меня это чудовище харчить будет живьем. И спас меня лук. Не поверишь, но я уже и забыл, что у меня лук есть, я вообще все забыл. А тут ладонь левую жжет как огнем. Но жар этот теплый, родной что ли. Смотрю, лук в руке слегка сияет. Опомнился и стрелу ему, супостату, прямо в пасть запустил. Враз все оцепенение как рукой сняло. Страх отступил. Стрела прочертила яркую красную линию и словно взорвалась в его роже. Визгу было, капец просто, как на собачей свадьбе. А потом он просто исчез с диким свистом. Вот прямо так был и сразу его нет. Ну словно растворился в воздухе. Представляешь, чертовщина какая, а? Вот какая это нечисть потусторонняя. Не призрак это вроде был, конечно, они другие, не такие жуткие, насколько я знаю. Но тварь точно потусторонняя! А ты говоришь – не бывает. Еще как бывает. И это я не сильно-то и углубился в лес, – закончил рассказ Угрюм. Налил себе кружку воды и залпом осушил. По лбу его стекал ручеек пота. Видно было, что даже рассказывать ему было страшно.

Ксор сам стоял в холодном поту, так ярко он представил себе потустороннюю тварь. Мысли о том, что Угрюм заливает, не было. Не такой он мужик, чтобы фигню заливать. Но и верилось с трудом. В скауты Ксору резко расхотелось. И еще подумалось, что быть может сказки бабки Нарты были вовсе и не сказками. А она рассказывала о разной дичи, что бродит в лесу в ночи. Хотя бабка она на всю голову двинутая. Эта могла и насвистать. Но все же было как-то не по себе. А еще подумалось, что же это за лук такой хитрый у Угрюма. Учил-то он стрелять из обычного деревянного самодельного лука, непохожего на оружие, стреляющие красными взрывающимися стрелами. Может, все же заливает? Через минуту после рассказа вроде страх отошел, и работа скаута уже не казалась такой противной. Но есть о чем подумать. Действительно, мир большой и опасный. Кроме жутких имперских бюрократов и суровых имперских солдат, есть еще и какая-то чертовщина. И Ксор тоже выпил целый бокал воды.

– Ну и горазд ты, Угрюм, заливать, однако. Призрака да из лука светящийся стрелой завалил! Что-то тут не то. Ты ее что, глазами что ли поджог? Да и стрела то у тебя откуда взялась? Сам же сказал, что последнюю потратил, а новых не настрогал! Хочешь меня запугать, что бы я в деревне остался? – попытался посмеяться Ксор.

– Ксор, мой юный ученик, запугивать тебя я не собираюсь, я лишь просто рассказываю. И ты прав, не было стрелы у меня никакой. Не знаю, чем я запулил из лука. Но говорю я правду. Я тогда всю ночь оставшуюся просидел на дереве. А утром плюнул на осторожность и прямой наводкой до тракта бежал полдня. А лук... Есть у меня для тебя подарок на выпускной. – загадочно улыбнулся Угрюм.

– Подарок... Подарки я не люблю. Однажды отец сделал подарок. Новые перчатки для работы на мельнице. Тоже мне подарок. Тьфу. А еще как-то братья Носатые в школе. Позвали как-то за школу, мол, подарок там меня дожидается. Ну я с дуру пошел, так они меня грязью

изгадили, да тумачков навалили. Тот еще подарочек... Может, не нужно подарков, а? – неуверенно сказал Ксор.

– Экий ты бедолага. Ну так навалил бы в ответ этим братьям, делов-то, зря, что ли, тебя учил? – спросил Угрюм.

– Ну... Это ж давно уже было, до учебы. А так-то да, поганые они, эти братья. Я может быть, и надавал бы им, да боязно. Папаша их помощник старосты. Как бы на заказах мельницы не сказалось. Ну как-нибудь с ними я еще поквитаюсь, к гадалке не ходи, – отважно заявил Ксор.

– Ясно-понятно. Ну да, с прихвостнями имперцев связываться действительно себе дороже. Ну их к лешему. А подарок... Нормальный это подарок, не бойсь. – Угрюм отвернулся, пошел к шкафу в углу сарая, сунул руку за шкаф и вытянул сверток черного цвета примерно в полметра длиной. – На, держи, пользуйся аккуратно. Вот тебе мой диплом, так сказать. Поздравляю с окончанием академии!

И Угрюм с силой схватил Ксору за руку и потряс ее, да так крепко, что у Ксору чуть слезы не брызнули.

– Эээ... Ну ты че, Угрюм. Руку же раздавишь, как я без руки то? —притворно обиделся Ксор.

– Да ладно тебе, заживет до свадьбы. Смотри давай диплом, – сказал Угрюм. – Прямиком от светлых. Практически новый.

Ксор внимательно осмотрел сверток. Небольшой, ну может полметра в длину. Тяжеловатый. Ткань какая-то странная, черная, матовая, не скользит в руках. К свертку привязана тесемка, видно, что можно носить его через плечо. Обвязан сверху веревкой. Ксор развязал узел, концы веревки были пришиты к свертку. Внутри было три предмета одинаковой длины. Материал был еще более странным чем ткань. Не холодный. Ни на дерево, ни на металл не похож. На ощупь немного шершавый. Черный или темный, матовый, свет свечи не отражал. Одна часть была плоской, две другие с одного конца приплюснуты, с другого – круглые, выгибающиеся. На одной из круглых частей торчал узелок. На ощупь узелок оказался упругим, пружинящим, чем-то напоминал бычью жилу. Плоская часть был украшена узором – какой-то замысловатый цветок. На лепестках были какие-то символы, которые Ксор раньше никогда не видел. Он не понимал, что это за палки с узелком.

– Угрюм, а чего это? Что за палки? И материал какой-то странный. Трофей что ли? Мне его имперцам сдать за деньги? А что сам тогда не сдал, сразу бы денег подарил, – растеряно выдал версию Ксор.

– Ну ты и жадный до денег, сорванец. Даже со мной в этом вопросе можешь потягаться. Дай ему денег, да побольше, да? – заулыбался Угрюм. – Нет, не трофей это. Ну по крайней мере, не из Черного леса штукавина эта точно. Ты знаешь что? Ты приставь плоские части друг к другу, а потом дерни узелок.

Ксор выполнил указания Угрюма и чуть не сел на пол от неожиданности, удивления и растерянности. Когда Ксор приставил одну часть к другой, они с каким-то глухи стуком вцепились одна в другую. Ксор вздрогнул и чуть не выронил уже две части странного предмета. Что за невидаль? Может магия? Вот только этого не хватало, имперцы прознают, тут даже шахтами не отделаешься. Ксор испугано взглянул на Угрюма. Тот озорно улыбался. Вот же гадкий ехидный хрен! Ладно, по крайней мере, по лыбящемуся роже наставника было понятно, что опасности тут нет. Ксор решил приставить оставшуюся короткую часть к длинной. Та с таким же глухим стуком прилипла. Что странно, следов составления не было вовсе, словно и не состояла эта штукавина из трех частей, а была единым целым. Таким образом, в руках у Ксору оказался один предмет без намека на то, что его можно было разобрать. И этот предмет заставил сердце Ксору биться быстрее. Форма предмета очень уж напоминала лук, причем лук не охотничий, а боевой, похожий на те, что носят имперцы. Только у имперцев все же луки

были из дерева, а эта штукавина была странной. Так неужели диплом от Угрюма – это лук. Теперь у Ксора есть собственный лук? Ксор не мог поверить собственным глазам. Глазам, на которые чуть ли не наворачивались слезы.

– Угрюм, ты это серьезно? Это лук? Да? – еще не веря собственным глазам промолвил Ксор.

– Ясен красен, что не чупакабра. Самый что ни наесть стрелковый лук. Тот самый лук, который спас меня от призрака. Вот, считай, передаю по наследству, – весело заявил Угрюм. – Да, вижу, что не понимаешь, что за материал. Это не дерево, и не металл. Какой-то композит. Называется он составной композитный лук. Хотя и непонятно, он композитный потому как составной, или потому как сработан из композита. Ну так его обозвали, когда мне вручили, а я к названию цеплять не стал. В общем, штука крайне интересная. Не горит, не плавится. Можно огреть как дубиной будь здоров. Можно даже резать вражин. Ты это, за узелок то дерни. Другие фишки потом покажу.

Ксор потянул за узелок. Тот подался и Ксор начал вытягивать из одного конца лука что-то похожее на бычью жилу. Вот так штукавина! Ксор понимал, что к нему попалась очень странная, быть может, даже магическая вещь. Врать не будем, Ксор был счастлив, хотя и опасался немного. Он догадался, что эту веревку нужно как-то привязать ко второму концу лука. И так, и эдак пытался Ксор, но странная жила никак не хотела держать узел, была жутко скользкой. Тогда Ксор просто приставил узелок к концу лука, чтобы прикинуть, как его приладить жилу ко второму концу лука, а узелок взял и вошел в этот конец лука. Засел там крепко, как Ксор не пытался, а вытянуть не смог. Он был обескуражен, что за адский предмет всучил ему Угрюм? А тот вовсе веселился, наблюдая за неуклюжими действиями ученика.

– Вижу, доволен. Возьми пару стрел, пристреляй. Обрати внимание, на силу натягивания тетивы и соответствующий ей изгиб плеч, – сказал довольный Угрюм.

Ксор разгреб солому в углу сарая, где они с Угрюмом соорудили схрон для их тренировочного инвентаря. Он открыл небольшой грубо сработанный из досок люк и вытащил из ниши в полу колчан стрел. Закинул колчан за плечо. Отошел к дальней стене и установил там три корзины с соломой, которые они использовали для тренировки стрельбы. Вернулся к Угрюму. Взял лук в левую руку, правой оттянул тетиву, примериваясь к луку. Тетива шла сперва тяжело, потом легче, словно понимала, что нужно Ксору, все сильнее сгибая плечи лука. Странно это. «Не дай Бог магическая штука, вот проблем не оберусь», – размышлял Ксор. Он установил стрелу, слегка, как говорил Угрюм, натянул тетиву, прицелился, отпустил тетиву. Выстрел был объективно слабый, стрела должна была лишь ударить по корзине. Однако вопреки его ожиданиям, стрела быстро вылетела и практически незаметно глазу преодолела расстояние до корзины и воткнулась в нее. И не просто воткнулась, а прибила корзину к стене сарая. Ксор аж присвистнул от удивления. Сила то оказывается у этого странного композитного лука будь здоров. Но самое интересное было в другом.

Ксор подошел к стене и с трудом выдернул стрелу. Стрела была целой, без трещин, хотя от такого удара о стену должна была сломаться. Да и тупая она была. Обычная деревянная стрела. Такие стрелы они с Угрюмом использовали для тренировки. Без металлического наконечника. Металл-то жутко дорогой. Да и где взять-то его. Для тренировок дальней стрельбы они иногда выдергивали старые ржавые гвозди из стен амбара. Тогда удавалось стрелять далеко, но не очень прицельно. Ну и для охоты подходит такая оснащенная гвоздем стрела, если подойти поближе. Тут хоть убойная сила. Такая стрела воткнулась бы в стену, но не эта простая, деревянная. Ксор был очень удивлен. Получается, если несильно натягивать тетиву, то выстрел может быть вполне себе убойным, сильным, да еще и бесшумным. Хотя бесшумность то зачем? На охоте или попадешь, или зверь и так сбежит. Тут хоть обшумись. Только в асасины податься, заулыбался про себя Ксор, вспомнив бредовые рассказы двинутой бабки Нарты о некой тайной гильдии наемных убийц. Ну кого тут в деревне тайно-то уби-

вать? Да и зачем. Чтобы получить бесплатное путешествие в шахты, а то, скорее всего, сразу на плаху. Предаваясь этим мыслям, Ксор по совету Угрюма натянул тетиву с силой. Лук сгибал плечи с неохотой, пришлось прилагать усилия для натягивания тетивы. Что было странно и удивительно, обратной тяги тетивы не было, удерживать лук в изогнутом состоянии оказалось очень легко. С деревянной поделкой он бы уже умаялся и быстро бы выстрелил. Тут же он еще дальше отвел локоть за спину. Рукоять лука форму не изменила, а вот плечи изогнулись так, что лук стал напоминать заваленную на бок арку. Целиться было легко, не было напряжения в луке, рука совершенно не дрожала. Ксор вдохнул и выстрелил. Стрела ушла с тихоньким свистом. Ушла стремительно. Ксор успел заметить, что стрела попала в корзину. Однако же стрелы не было в корзине, да и не была прибита корзина и к стене, как при прошлом выстреле. Что за чертовщина? Угрюм опять заржал, наблюдая за сконфуженным Ксором.

– Ну что ты все ржёшь, Угрюм? Угрюмый ты хоть молчаливый был. Что за дичь-то? Куда стрела делась? – несколько раздосадовано воскликнул Ксор.

– Туда, куда ты ее послал, Ксор. Иди, посмотри, поищи, – улыбаясь, сказал Угрюм.

Вот же старый хрыч, раздосадовано сплюнул на пол Ксор. И тут же получил тяжелую оплеуху.

– Чай не в хлеву, не харкайся. Вытри и иди ищи стрелу, – беззлобно молвил Угрюм.

Ксор растер ногой плевков и подошел к корзине. Ага, вот небольшая трещина в плетении в центре корзины, аккурат там, куда целился Ксор. Он порыскал рукой в корзине, разгребая солому. Стрелы не было. Тогда он осмотрел обратную сторону корзины – такая же трещина, явное выходное отверстие. Да уж, дела. Ксор проследил за предполагаемой траекторией стрелы. В стене сарая была еле заметная круглая дырочка. Получается, что стрела пробила корзину и стену сарая, да еще и без железного наконечника, обычная такая деревянная стрела? Мистика какая-то. Или даже чертовщина? Куда же Угрюм его втравил?

Ксор посмотрел в дырку в стене, чтобы понять направление полета стрелы. Аккурат задняя дверь мельницы. Ксор вышел на улицу, обошел сарай, нашел дырку и начал, двигаясь по предполагаемой траектории полета, высматривать в траве стрелу. Так и дошел до мельницы, ничего не найдя. Наверное, пропустил. Ксор начинал злиться, ведь скоро уже совсем стемнеет. Если завтра отец увидит стрелу, как объясняться? И тут он таки увидел эту дурацкую стрелу. Она преспокойно торчала в двери.

– Ни фига себе! – ошарашено промолвил Ксор.

Торчала стрела знатно, прошла насквозь. С каждой стороны задней двери мельницы торчали по тридцать сантиметров стрелы. Вытянуть ее Ксор не смог. Выругался. Будет дело, если отец увидит. Обломал концы стрелы, замазал отметины пометом голубей. Вот так да! Это не лук, это какая-то... Как же ее? Балбиста? Как там называла бабка Нарта огромные стрелометы? Лук действительно был очень странным. И его материал, и непонятная не растягивающаяся тетива, и непонятности с натяжением, и невероятная гибкость плеч, и его сила даже при малом натяжении, не говоря уже о максимальном натяжении. Ксор поразмышлял о том, что будет, если закрепить где-то лук и натянуть тетиву двумя руками так, чтобы плечи практически соприкоснулись? Может стрела и до города долетит? Но обычные охотничьи луки, даже имперские у солдат, не могли так стрелять. Явно, какая-то магия. Ох, не оберется еще проблем Ксор с этим подарком.

И все же он был рад подарку. Уж очень удружил ему Угрюм. У НЕГО БЫЛ ЛУК! И даже денег не потрачено. Все, покупай сертификат скаута и вперед, к приключениям. От этих мыслей стало немного грустно. Еще ведь предстоял разговор с родителями. Это в планах было так все легко. Лука же не было, денег было мало, пока копились деньги, новая жизнь была где-то далеко. А тут раз, и вот, осталось сделать шаг, и ты в новой жизни. Почтальон. Скаут. Ксор даже немного испугался. Не то неизвестности, не то вспомнил рассказ Угрюма о призраке.

Глава 3. Рассказ Угрюма.

Ксор вернулся в сарай и по-сыновьи обнял Угрюма. Он был настолько растроган, что мог разреветься как девка. Но быстро взял себя в руки. Угрюм похлопал его по спине:

– Ну все, парень, будет. Вижу, подарок ты оценил.

– Да, Угрюм, ты меня ну очень удивил. Спасибо тебе! Теперь у меня есть лук. Полдела сделано. Осталось получить сертификат. Но этот лук какой-то ну очень необычный. Расскажи мне о нем. Он что, магический? – спросил Ксор.

– Магический? А я и сам об этом думал. Не знаю. Там, в лесу, с потусторонней тварью когда бодался, я же говорил, что стрелы-то у меня не было. А в пасть гадине-то этой шарахнул будь здоров. Может, и вправду, магией лук пуляет. Не знаю, Ксор. Лук этот нам... мне достался от очень странных товарищей. Может, я со страху-то что и забыл. Может, была-таки у меня еще стрела в сапоге. Память может подводит. Ну да обо всем по порядку. Как говорится, сказал А, говори Б, – устало вздохнул Угрюм.

– Ты уж, пожалуйста, и Я скажи, не забудь, – оскалился Ксор.

– Ишь, какой ушлый-то стал. Когда первый раз-то пришел ты ко мне, был тише воды, ниже травы. Ну если не вспоминать о вилке. Сильно ты изменился за это небольшое время, – улыбнулся Угрюм. – В общем, слушай, да не перебивай.

Родился и жил Угрюм в свободном поселении Клис. Когда-то все города и поселения были свободны, в той или иной степени. В те времена имперцы еще были совсем бандитами и грабили путников, да небольшие деревеньки. На города даже не смотрели. Угрюм прошел обучение в казармах Клиса и вступил в один из свободных отрядов. Банда будущих имперцев к тому времени только разбила сводные силы других банд. Они гордо обозвали себя Империей Вин. Долго, видимо, над названием не думали. Явно, не семи пядей во лбу был их предводитель. Выиграл и основал династию Вин. Вин первый, стало быть, идиот чертов. Хотя нужно отдать ему должное, мозга-то хватило выиграть бандитские войны. Или, как их сейчас чинно величают, междоусобицы трех городов. Бандиты тогда заняли гарнизоны трех городов. С названиями тоже не мудрствовали. Имперский город, который в центре империи, да Южный и Северный города у пограничных северных и южных гор. Старые названия Угрюм не назвал. А вот большие деревни, или поселения, да и малые пока были еще свободны от бандитов, и от старой власти городов тоже. Многие поселения имели собственное руководство. Совет старейшин руководил обычно. Выбирали старосту, чтобы решал оперативно общие вопросы. А если что серьезное надо решить, ну например, не собрать ли внеочередную ярмарку, то старейшины всей толпой решали. Ну как решали, все больше эль пили в ратуше, горланили, да регулярно друг другу морды чистили. Но и решения принимали общие в перерывах между возлияниями. Свобода была. Не как сейчас.

В Клисе старейшины вроде не пили особо, больше делом занимались. Или, точнее, пили тогда, когда дела уже были сделаны. Все же боевой Устав чтит высшие офицеры. Клис от других поселений отличался тем, что основным заработком его жителей было наемничество. В Клисе с детства учили обращаться с оружием. С любым оружием, и без оружия. Изучали тактику боя против большого количества врагов. Дети привыкли драться в небольших группах по двенадцать человек, отрядами называли. И вот эти отряды, бойцы которых повзрослели до шестнадцати лет, Клис сдавал на службу в другие деревни, поселения и города. Для охраны или в качестве законников. Участвовали наемники, конечно же, и в междоусобицах. Бывало, что разные отряды воевали друг с другом на разных сторонах. Что поделаться? Таковы были правила Клиса. На родине бойцы отрядов могли быть друзьями, а в найме они должны отрабатывать контракт до последней капли крови.

Угрюм как раз и был в одном таком отряде. Много лет его отряд служил в отдаленном южном поселении. Кроме непосредственно защиты их подрадили обучить детей воинскому искусству. Дети повзрослели и контракт завершился. Несколько раз всего за время контракта бойцам пришлось вступать в бой с небольшими бандами. В целом же непыльная была работа. Но контракт был завершен и отряд вернулся в Клис. Бойцы уже предвкушали, как потратят часть заработанного в кабаках и борделях, но на следующее утро им поступил новый контракт. Отряд наняли как законников и пограничников в какую-то деревеньку. Не понятно было, с чего такая срочность, ведь обычно отряду давали неделю отдыха после завершения контракта. Но приказы не обсуждаются.

Деревенька эта была совсем рядом с Имперским городом, ну тем, который, значит, в центре Империи был. Понимай, столица этих бандюг. И одной из первых попала эта деревня под так называемый протекторат Империи. Бандюги как бы защищают их от всех опасностей. А деревня должна платить оброк, также должна разрешить разместить гарнизон и обслуживать ближайшие заставы на Большом тракте и других дорогах. И деревня эта уперлась. Хотя и Угрюм бы уперся, если бы ему предложили за защиту отдавать половину всего заработанного. Вот такие условия предложили, драконовские, как тогда казалось. Сейчас -то все платят и не жужжат. Но староста той деревни упертый был старикан. Сказал нет, послал посланников Империи далеко и надолго, да еще и поколотили их старейшины. Надо признать, что глупые они были, эти старейшины. Если Вины завоевали города, что там им какая-то деревня? Или, быть может, и не глупые, а тупо пьяные. Элю перед переговорами выпили несколько бочек. Для храбрости, видимо. Вот и расхрабрились. На свою голову и на головы свободного отряда. Вот и пришлось отряду Угрюма воевать. Хотя какая там война? Бойня это была. Вечером послали послов куда подальше, а с рассветом деревню окружили солдаты Империи и начали методично ее вырезать. Просто заходили в каждый дом и убивали всех. Детей, женщин, стариков, всех, кроме мужчин. Тех вязали и сгоняли к ратуше.

Отряд Угрюма дал бой. Свой первый и последний реальный бой с многократно превосходящими силами противника. До этого приходилось разве что пьянь разнимать, угонщиков скота ловить да мелкие банды отгонять от деревни. А тут реальный бой с серьезно подготовленным противником. Рассказывать там особо и нечего. В отряде двенадцать бойцов, а имперцев было около сотни. Отряд забаррикадировался в ратуше. Отстреливали имперцев из бойниц луками и пращами. Перебили ну, может, сорок имперцев. Тогда эти гады сделали все просто и гениально – подожгли ратушу. К тому времени к бандитам подошло подкрепление. На главной площади их была тьма. Они начали окружать пылающую ратушу.

Лейтенант отряда тогда и сказал, что все, мол, отвоевались, будем умирать. Но нужно дать знать о случившемся Клису. Гонцом назначил Угрюма. Угрюм, конечно, упирался. Так было принято в Клисе, что отряд отрабатывает контракт до конца, до последнего бойца, до последней капли крови. Но лейтенант перебил Угрюма и сказал, что тут дело уже не в контракте. Скоро и в Клис придут имперцы. А в Клисе приказ есть приказ. Его необходимо исполнить, чего бы это ни стоило. А уже потом можно оспорить, на базе, в казарме. Но всем было ясно, что никто кроме гонца в Клис не вернется. Так что и оспаривать приказ смысла уже не было.

Пока еще имперцы не успели окружить ратушу, Угрюм вышел задним ходом, крался все больше огородами к окраине деревни. Он понимал, что там, в ратуше погибают его боевые братья. Выбираясь из деревни, он видел, как режут имперцы ни в чем не повинных мирных жителей. И ничего не мог сделать. Был приказ – в бой не вступать, добраться живым до Клиса. Наверное тогда, Угрюм и стал Угрюмом. По крайней мере, после той бойни он практически перестал шутить и улыбаться. Угрюм видел, как бойцы его отряда выскочили из горящей ратуши следом за лейтенантом и вступили в неравную схватку с прибывающими силами имперцев. Две девчонки остались прикрывать отряд из горящих окон ратуши. Они стреляли

из лука очень быстро, но и это не могло спасти отряд. Краем глаза Угрюм заметил, как одна из девушек выпрыгнула из уже горящего окна второго этажа. И все это было тщетно. Хотя, почему? Его отход отряд прикрыл. Угрюм выполнил приказ, бежал, полз, крался, замирал, но в бой не вступал.

И лишь на окраине деревни не смог он удержаться. Услышал девичьи крики из дома. Стало ясно, что там имперцы пришли не только убивать. Угрюм влетел в дом. Два имперца держали еще девочку, ну лет одиннадцати примерно. А третий залез на нее сверху и возился со своими портками. Уроды... Погань имперская... С каким-то черным удовольствием рубанул Угрюм несостоявшегося насильника мечом по шее. Голова как соломенный мяч покатила под стол. Да, боец отряда должен убивать без сомнения, без страха, но и без удовольствия, с сожалением о прерванной жизни. Но только не в такой ситуации. Не было ни капли сожаления. Собаке собачья смерть. Угрюм хотел бы убить того уroda еще раз, и еще. Что, к сожалению, было невозможно. Быстрыми движениям меча он прикончил двух других имперцев. Те даже и не сообразили, что случилось, просто тупо провожали взглядами катящуюся голову их сообщника. И тут же умерли. Эта схватка немного отрезвила Угрюма, жажда крови отступила. Быть может, он был в состоянии берсерка? Ему показалось, что все произошло молниеносно, словно три имперца издохли практически одновременно. Их пытались научить входить в состояние танца смерти. Но только взрослые, зрелые бойцы, говорят, могли это делать. Угрюм не мог. Раньше не мог. А в этот раз? Быть может... Или это просто была жажда мести, за отряд, за эту вот девчонку, за убитых деревенских жителей. Было ясно, что, если девочку оставить тут, до нее доберутся имперцы. Да и не позавидуешь ей: за убитых Угрюмом имперцев придется отвечать ей. Угрюм кивнул головой в сторону двери, чтобы не шуметь. Девчушка поняла без слов. Она уже не плакала. В глазах ее была какая-то спокойная отрешенность.

Угрюм не понимал этой жестокости имперцев. Хорошо, ну дали вам приказ всех уничтожить в деревне. Приказ, безусловно, пакостный, но в каком-то смысле понятный. Скорее всего, они хотели этой вырезанной деревушкой пресечь всякие попытки сопротивления других пока еще непокорных поселений. Но вот к чему эта животная жестокость? Зачем же детей насиловать? Да и в целом никогда не понимал Угрюм человеческой жестокости. Даже его профессия – проявление жестокости – он был профессиональным воином. Почему люди не могут жить спокойно? Без насилия? Без войн? Как бы хорошо было жить в мире, где даже слова война не было бы. Но раз таков уж тот мир, в котором живет Угрюм, он был рад, что он оказался на правильной стороне. На стороне Клиса, где свобода и человеческое достоинство ценились, уважались и защищались. Пусть только сунуться в Клис эти бандюги, будет Угрюм уничтожать их как бешенных собак. Где-то в глубине души Угрюму даже хотелось, чтобы между Клисом и Империей завязалась война. Тогда стерли бы свободные отряды эту погань имперскую с лица Долины.

Угрюм усилием воли заставил себя перестать философствовать. Не время сейчас для этого. Присмотрелся к девчушке. Совсем еще юная, больше ребенок, чем девушка. Симпатичная. Рыжая, огненно-рыжая, даже ближе к красному, с фиолетовыми раскосыми глазами. Маленький острый чуть вздернутый носик. Россыпи веснушек на щеках. Очень она походила на бельчонка. Вот только ее взгляд не подходил ее детскому личику. Взрослый взгляд, напряженный. Бедный ребенок! Такое-то пережить в ее возрасте...

Вдвоем они выбрались из деревни и побежали параллельно Южному тракту – дороге, соединяющей Имперский город и Клис. Держались в лесу метрах в ста от дороги. Хотя эти земли и были чистыми, Угрюм все же не решался проверить на собственной шкуре, хорошо ли постарались бывшие хозяева города в очистке этих территорий. Поэтому Угрюм не углублялся в леса. Так, конечно, можно было бы сократить путь, но рисковать Угрюм не хотел. Бежали весь день. Угрюм даже удивился силе и выносливости девчонки. Может, шок? Бежать так долго без тренировки – нужно иметь железные легкие и сильные ноги. Все время она тихонько всхли-

пывала. Угрюм успокоил девчущку, сообщил, что сейчас они поедят и переночуют, а с утра опять в дорогу. Ветер дул от дороги. Поэтому огонь можно было разводить смело. Угрюм подстрелил из поясного небольшого арбалета дикого голубя. И зажарил его. Еды мало, да и на вкус голубь был противным, но выбирать не приходилось. Поговорил с девчонкой. Звали ее Вина. Она была с отдаленного хутора. Родители отправили ее на заработки в помощницы деревенской семье. На хуторах жизнь была не сахар. Территории хоть и были чистыми, а зверье всякое водилось. Хуторские больше промышляли охотой, чем фермерством. Вина рассказала, что отец заболел и не мог больше охотиться и кормить ее, потому и отдал в деревню. Как-то она вернулась на хутор проведать отца, но не нашла его. Во дворе были следы крови. Возможно, животные загрызли. Кто знает? Вот так осталась она сиротой. Хозяева к ней относились не сладко, иногда колотили, платить практически перестали, только кормили. В каком-то смысле она была рада смерти хозяев от рук имперцев и даже своей близкой смерти. Смирилась почти. Не жизнь у нее была, а так, выживание. Вина не знала, что будет с ней теперь. И спросила Угрюма. Тот почувствовал и жалость, и какую-то ответственность за нее. Быть может, даже отеческие чувства. Хотя сам-то был ну лет на пятнадцать старше. И все же что-то такое было в ее глазах, вспыхнул там фиолетовый огонек надежды. И Угрюм не мог задуть этот огонек, не посмел. Мы в ответе за тех, кого приручили. Вон оно как. Кажется, Угрюм понял смысл этой поговорки. Бегала она хорошо, была сильной и ловкой. Что-то, да и выйдет из нее. В свободном поселении не возьмутся ее учить в казармах. Она не своя. Но ничто не мешает делать это Угрюму. Его отряд погиб. Он не был связан ни контрактом, ни обетом верности отряду. Вполне мог взять себе ученика. Ну, это, то есть ученицу. Почему бы и нет? В этом новом мире, который строили имперцы, навыки боя ей всяко пригодятся. И Угрюм сказал слова отрядного Устава. Он берется учить ее, берется опекать и заботиться, пока она не получит метрику. Возможно, для девчонки это было просто обещание. Но он, как боец свободных отрядов Клиса, произнес клятву обучения. Даже старшие офицеры теперь не смогут разрушить клятву, не смогут призвать его в новый отряд без его согласия. Он свободный боец. Вот взял же геморрой на свою пятую точку...

Первым его уроком был фактически приказ не разглашать имя. Вина. Женская форма того же имени, что взял себе Император. Почему-то был уверен Угрюм, что это имя не пользуется особой популярностью в Долине после всего, что творили имперцы. К тому же в Клисе больше приняты прозвища, чем данные родителями имена. Девочка молча слушала и кивала. Характер вроде бы не колючий, по крайней мере, до переходного возраста.

До Клиса они добрались достаточно быстро, дня за три. И уже на бегу Угрюм начал обучать Вину. Ну как обучать? Рассказывал всякие теоретические основы. На привалах же перед сном немного давал общефизической подготовки. Сил у Вины оставалось мало после дня бега, но все же она пыталась и у нее даже получалось отжиматься и держать планку. Приучал он Вину и к луку, она показала себя очень хорошо, с первого выстрела подстрелила белку. И белка была вкусной. Всяко, не противный голубь. Белка... А что? И белку вон лихо подстрелила, и сама походила на бельчонка. Угрюм стал звать Вину Белкой. Угрюм оставил хвост подстреленной Виной белки, как первый трофей, выдубит потом, и будет ей трофейное украшение. Почему нет? По утрам, перед бегом, немного показывал, как обращаться с мечом. Она схватывала на лету. У девчонки действительно был талант. В чем уже после неоднократно убеждался Угрюм. Боеспособным бойцом она стала достаточно быстро. Те относительно свободные годы, пока Клис не столкнулся с Империей. Собственно, Угрюм отвлекся немного от истории.

Когда прибежали в Клис, Белку Угрюм отвел в дом сестры. Как старший брат, он мог просить ее выполнить какие-то просьбы. Никогда этим правом он не пользовался, но вот пришлось. Попросил накормить, обогреть, и вообще поставить на скудное довольствие. Семья сестры жила не плохо, ее муж был лейтенантом в пограничном отряде. Платили там нормально. Не обеднеют, ухмыльнулся про себя Угрюм. Сестра было кинулась обниматься, обрадованная

неожиданному возвращению брата. Но по взгляду поняла, что случилась беда. И с расспросами не приставала. Обещала позаботиться о Вине.

Сам же Угрюм бегом направился в Форт, к Генералу. Пропустили его без вопросов. Не каждый день возвращается боец свободного отряда раньше срока контракта, один, без уведомления об увольнительной, да еще весь грязный, в крови (благо, чужой), и пахнувший как невымытый бездомный бродяга. Генерал явно уже был чем-то озабочен. Он и раньше-то не отличался светскими оборотами речи и манерами, а тут так прямо и спросил: «– Ну и че приперся? Пахнет от тебя, как от бомжа. Щас прям стошнит. Фу! Гадость!».

«Ну спасибо, Генерал, добрый человек»: – раздраженно подумал Угрюм, но ничего не сказал. Да и фиг с ним. Угрюм доложил все кратко, практически без эмоций. Только факты. Отряд уничтожен, деревня перебита, только мужиков почему-то не убивали. Тогда Генерал обнял Угрюма, приободрил, даже похвалил, что тот все сделал верно. Совсем не ругал за спасение Вины. Приказал отдыхать два дня, а потом готовится к войне и обороне. Вот так так! Война! Стало быть, Генерал принял решение. Но их сил слишком мало, чтобы завоевать империю. О чем так прямо и нагло заявил Угрюм. Генерал же ответил, что ничего он завоевывать не собирается. Мол провизии у них много, стены крепкие, будем держаться и партизанить, если придется. А может вообще все миром обойдется. До подхода основных сил так точно. Бредит он, что ли, совсем кукушкой поехал на старости лет? Ну какие основные силы. Только отряды отозвать с контрактов. Так запарится Клис платить неустойки. Хотя, если везде так, как в деревне, где он служил, то, конечно, лучше отозвать. Но сколько всего у них бойцов? Угрюм не знал. Правда, бойцы хорошие, все же свободные отряды Клиса, не деревенщина в ополчении какая-нибудь. «Может, и повоюем», – размышлял Угрюм. Лишь бы старикан еще трезво мыслит и понимал, как держать оборону от этой бандитской империи.

Какое-то время все было спокойно. Угрюм отдыхал, в казарме ему как свободному бойцу, делать было нечего. Он проведаль Белку, наказал той явиться к нему на следующее утро. Поговорил с сестрой. Та посетовала, что от мужа не было вестей. Ни обычной почты, ни соколиной. Угрюм напрягся, он догадывался, что могло случиться, но промолчал. Нечего по чем зря панику разводить сестре.

Прошло уже много месяцев, а войны все не было. Все это время Угрюм серьезно тренировал Белку. Первое время тренировались в поле, за стенами Клиса. Девчушка показывала серьезные успехи. Казалось, что была проворнее и быстрее даже погибших девчонок из его отряда. Поэтому Угрюм решил перенести тренировки в казармы, все же имел на это право, как свободный боец, мог самостоятельно тренировать ученика на базе казарм. Загвоздка были лишь в том, что Белка не местная, да еще и девушка. Если новобранцев парней брали тренировать без особых проблем, то с девушками все было сложнее. Видать, давали знать о себе древние заморочки. Такое вот странное равноправие полов, с некоторой ксенофобией. Своих-то девушек тренировали и в отряды брали. А чужих – никак, не было такого прецедента. «Раз не было, значит создадим этот прецедент», – твердо решил Угрюм.

Как-то утром пришли они с Белкой в кабинет начальника казарм просить разрешения тренироваться в казармах. Угрюм особых иллюзий не питал. Но за спрос денег не берут, может и выгорит. Старый маразматик майор Хрыч, что командовал в казармах, сперва заартачился. Мол, ноги не будет этой тощей деревенщины в его казарме. Мол, где это видано, девка не из Клиса, и в его образцовой казарме. На кухню пусть валит, борщи варить, да тарелки драить. Хрыч он и есть Хрыч. Лишь бы брюзжать и ругаться. Хотя мастер-мечник он был сказочный. Правда, когда был моложе. Именно он тренировал бойцов бывшего отряда Угрюма. А сейчас Хрыч все больше в кабинете сидит, явно, эль жрет. Но приказ есть приказ. Если Хрыч сказал нет, значит нет. Белка очень расстроилась, хотя виду не подала. Угрюм уже научился немного разбираться в ее еле заметной мимике. Чуть уголки губ вниз, стало быть, недовольна, расстроена.

Ну ничего. Хрыч старикан азартный, на этом и решил сыграть Угрюм. Предложил спор: если Белка прямо из окна кабинета попадет из лука в мишень на дальнем конце стрельбища, то получает право тренироваться в казарме, и не только с Угрюмом, но еще получит и общую войсковую подготовку в новых группах. У Хрыча аж глаза чуть не полопались от наглости Угрюма, даже жилка на виске заиграла. Ладно бы, еще сам тренировал, но просить о тренировках в боевых группах? Для неместной? Нарушение святых устоев казарм! Однако сразу Хрыч его не послал. Сработала его азартная натура. Поинтересовался, что будет, если девка не попадет? Тут Белка сама вступила в разговор. Какова наглость! Ох, непростой у девицы характер! Говорит, будет тогда месяц Хрычу персональные борщи варить, да эль носить из трактира. Ишь какая, любовь Хрыча заливать эль за воротник сразу просекла. Хрыч сперва потянулся было за палкой, явно, чтобы преподать урок субординации. Нельзя без разрешения в разговоры начальственного состава вступать. Но передумал, видимо, борщи да эль его подкупили. Согласился, маразматик. «Пущай стреляет», – говорит, – «Даже три раза пущай пробует, один хрен, не попадет». Белка нагло хмыкнула. Хрыч аж закашлялся, но опять спустил девчонке ее норы.

Угрюм немного волновался, науку стрельбы Белка вроде освоилась, попадала часто, но тут расстояние приличное. Ну он ее за язык не тянул. Мог бы и за стенами продолжить тренировать. Хочет борщи варить, пусть варит, ее выбор. В службе тоже можно карьеру сделать с ее-то характером. Станет, например, главной кухаркой казармы. И власти там, быть может, даже побольше, чем у того же Хрыча. Жрать-то все хотят, причем регулярно и вкусно. Не говоря уже о сухом пайке. Могут же сухарей насыпать, а могут и балыка отжалеть. С главной кухаркой шутки плохи. Хотя не представлял Угрюм Белку в роли службы, не тот у нее был характер. Она вообще сильно изменилась после их побега. Увереннее в себе стала, глазищи свои раскосые в пол не прячет, прямо в глаза смотрит. С некоторым даже вызовом. Может, начала чувствовать в себе силу себя защитить?

Мысли Угрюма прервало не менее наглое заявление Белки: «– Ну и куда тут стрелять?».

Угрюм раскрыл ставни, свистнул в окно, крикнул всем на плацу уйти с линии огня. Показал мишень из щита в центре стрельбища. Немного слукавил, может быть, прокатит. Но Хрыч, даром, что маразматик, разорался: «– В такую мишень любая девка попадет (ну-ну), пущай стреляет в дальние щиты, как было договорено».

Эх, не прокатило. Нюх Хрыч не потерял. Он указал Белке цели. Та взяла лук, три стрелы, уложила две из них на подоконник. И с негромким выдохом, мол, было бы куда стрелять, пустила первую стрелу. Недолго думая, схватила вторую стрелу, выстрелила, также быстро сделала и третий выстрел. Угрюм ахнул. Одна стрела точно торчала в центре щита. Две другие, правда, ушли вроде в молоко. Хоть на зрение Угрюм не жаловался, но стрел не видел. Да и фиг с ними, одна стрела в мишени, спор выигран, дело сделано, быть казарменной тренировке! Над Хрычом решил не издеваться, просто сказал, что Белка попала. Тот не поверил, одел окуляры, странно хрюкнул и гаркнул в окно, чтобы кто-нибудь принес щит в его начальственный кабинет да поживее.

Через пару минут молодой кадет, совсем пацаненок, шумно пыхтя, притащил тяжелый круглый щит с нанесенной на него яркой красной краской мишенью. Ну что поделывать, бойцовская служба не сахар, молодым кроме тренировки приходилось выполнять и такие вот поручения. Угрюм глянул на щит и не поверил своим глазам.

Белка не смогла промолчать и нахально заявила: «– Борщи скисли, а за элем пусть молодые гоняют».

В другой ситуации она точно получила бы от Хрыча деревянным мечом пониже спины. Но не в этот раз. Тот изменился в лице, стал опять похож на бывшего боевого офицера. Заявил, что вертел он эти борщи на своем костыле (он потерял ногу в какой-то древней заварухе, потому и пошел на кабинетную должность). Сказал, что Угрюм молодец, раз отыскал такой

бриллиант у черта в заднице. Все заржали. А ведь, действительно, бриллиант. Именно стрельбе в тренировках Угрюм уделял времени мало. Правда занимались они сурово, по десять часов в день, часто даже без обеда. Но занимались они общефизической подготовкой, рукопашным боем и фехтованием. Стрельба всегда Белке давалась легко. И вот сейчас она уложила все три стрелы в центр мишени, причем вторая стрела вошла в первую, а третья – во вторую. Очень немногие бойцы в отрядах могли так стрелять. Таких бойцов назначали в дальние пограничные или даже специальные отряды, выполнять разные специфические задачи.

И ведь Хрыч назвал Белку молодцом. Если бы ночью загорелось Светило, Угрюм был бы меньше удивлен. Но разрешение тренироваться в казарме было получено. Не просто в казарме, не просто в боевых группах, а даже со всеми мастерами казармы. Больше того, Хрыч заявил, что назначит Белку в боевую группу специальной подготовки, мол, дальнейшие тренировки Белка проводит только в казарме, куда и переезжает с завтрашнего утра, ей устанавливается жалование кадета. Это было нетипично, даже неслыханно. Неместная девица получила шанс попасть в свободный отряд. Скорее всего даже в специальный отряд. Для этого местных уроженцев как правило с пеленок тренировали. А тут понаехавшая бежинка получила такой шанс! Вот тебе на! Угрюм хотел было протестовать. Не было у них цели поступить в спецгруппу. Там и тренировки суровые, да и задачи часто ставили непосильные, с жизнью редко совместимые. Однако Хрыч его прервал, прорывав что-то о правилах военного положения. И вообще, у него есть спецпроект, о котором разным свободным бойцам знать не положено!

Хотя следует признать, что для Белки все сложилось хорошо, даже отлично. Она с порога влилась в общество Клиса, считай, что получила карьеру, хлеб с маслом, и шанс погибнуть смертью храбрых. Всяко лучше, чем служанка в богом забытой деревне. Правда в теперешних политических реалиях смерть храбрых маячила гораздо ближе горизонта. Надо сказать, что Белка ушла с головой в тренировки. С Угрюмом встречалась лишь три раза в неделю для индивидуальных тренировок по рукопашному бою. Ну и в воскресенье увольнительная, все воскресенья они проводили в доме сестры. Общались, как-то отвлекали сестру от мыслей о муже. Однажды, в один из вечеров Белка назвала Угрюма отцом. Эмоциональный был момент, у Угрюма все внутри словно перевернулось, глаза предательски закололо, выступили слезы. Они долго разговаривали обо все, но в основном о будущем. О том, что грядет война, что быть может, не стоит Белке влезать в эту бойню, может попытаться счастья и перейти Северные горы. Та отказалась, сказала, что нашла себя в военной карьере, как будто это было ее предназначение. Имперцев она люто ненавидела и просто жаждала их убивать. Что ж... Это ее выбор. Выбор его дочери. Тогда он впервые проговорил это слово, прочувствовал его. И решил, что как-то похлопочет, чтобы отряд Белки направили куда-то далеко отсюда.

Прошли годы после возвращения Угрюма. Белка получила свою метрику, а войны все не было. Возможно, плевать хотел Император на Клис? По сути, что такое Клис? Всего лишь точка на карте посреди диких лесных территорий на юго-востоке Долины. Южнее за поселением было всего несколько деревень, а еще дальше уже людей не было. Таких лесов полно и в остальной части Долины. Города Долины были размещены у Большого тракта. Клис не мог даже контролировать основную транспортную жилу Долины. Что еще было в Клисе? Только люди, хорошо тренированные бойцы. Но зачем такой ресурс Императору? Долина захвачена, армия большая, остается только наслаждаться властью. Разве что от скуки войнушку устроить? Угрюм все больше убеждался, что чихать хотел Император на Клис. А Генерал лишь перестраховывается.

Скорее уж Империя мешала Клису. Ибо забрала источник дохода: контракты. Ведь почти каждую неделю в Клис возвращались свободные отряды. Возвращались по приказу Генерала. Первыми разрывали контракты с отдаленными от Клиса нанимателями. И неустойку никто не требовал. Новые контракты не заключались. Имперцы постепенно занимали все поселения и деревни. Тут уже в интересах Клиса было бы начать войну или же заключить соглашение с

Императором. Но Генерал ничего не делал. Вот только приказал искать и усиленно тренировать новых кадетов. А где ж их найдешь, если все практически поселения кишели имперцами? Справедливости ради нужно отметить, что беженцы прибывали в Клис. Но с каждым месяцем и годом их поток иссякал.

Имперцы поставили застав на дорогах. Свободное перемещение без сертификатов запретили напрочь. Приходили и плохие новости. Еще несколько деревень вырезали. Мужчин не трогали. Некоторым отрубали левые руки и отправили на тракты и дороги, ходить по деревням и рассказывать об участи их деревень. Остальных куда-то увозили. Как-то дошли слухи, что мужчин уводили в метридиевые шахты. Оказалось, Имперцы восстановили кругло-суточную добычу этой отравленной руды. Непонятно было, для чего. Обработать ее сложно. Только на обеззараживание уходило несколько месяцев. Но факт остается фактом. В привычные цвета заката добавились бирюзовые всполохи с метридиевых шахт. Поговаривали, что часть мужчин отводили в некий тренировочный лагерь у Южных гор. Стало быть, имперцы за счет сломленных оставшихся без семей мужчин решили пополнить свою армию. Но кто захочет за них воевать, за тех, кто убил твоих жену, детей и родных? Глупые какие-то слухи.

Городские стены постепенно усиливали. Фактически достроили внешний слой стены в два метра шириной. Впервые на памяти Угрюма пустили воду в ров за стеной. За стенами по периметру строили фортификации, боевые площадки, прятали в земле колья для остановки верховых отрядов, зарывали бомбы из пороха и смолы. Готовились к встрече с имперцами. Чистили, убирали и восстанавливали сеть тоннелей под городом, рыли новые ходы. Ходы нужны были, чтобы незаметно выходить за стены. В общем, Клис неспеша готовился к обороне, к осаде. Бойцов оказалось немного. Вернулись многие отряды, но не все. Всего личного состава было около восьми сотен штатных единиц, не включая кадетов. Грозная армия по меркам времени независимых городов.

Но с имперцами тягаться будет трудно. У них солдат немерено. Может, особой подготовкой имперцы не отличались, большинство – деревенщина, пошедшая в армию от безысходности, толком нетренированная. Но их было много, очень много. Они могли просто тупо закидать Клис шлемами. Хотя дисциплина была всегда в Клисе железной, но многие отряды задавались логичным вопросом. Клис готовился ко осаде. Но осадой войны не выигрываются. Не от старости же имперские солдаты перемрут. Какой план у Генерала, какая стратегия? Ну просидит Клис в осаде, год, два, а может даже пять, если питаться крысами и галетами. А дальше? Войны выигрываются нападением и уничтожением противника. Ну или переговорами. Вот только договариваться с имперцами никому не хотелось. Да и Генерал не похож на дипломата. Вояка до мозга костей. В воздухе витала неопределенность, даже некоторая нервозность. Хотя все и продолжали активно готовить Клис к войне и осаде, дисциплина могла дать трещину.

И вот в один из осенних дней, словно ответ на общее сильно затянувшееся ожидание, на стене над восточными воротами протрубил тревожный горн дозорного. Кто-то приближался к Клису. И этот кто-то явно был не другом, иначе тревожный горн бы не звучал. Угрюм как свободный боец по боевому расписанию приписан к лучникам как раз на восточной стене. Не самая пыльная работенка. Знай себе поливай стрелами вражин сверху. Возможно, придется стрелять в составе артиллерийского расчета из баллисты. А если совсем туго будет, то придется лить горячую смолу на головы нападающих. До рукопашной может и не дойти. Но это всяко лучше, чем в первых рядах идти в рукопашную там, внизу, в поле за воротами. Опять-таки, если дойдет до схватки в поле. Угрюм не был трусом, не так воспитан был. Просто теперь он вроде как стал отцом и хотел прожить подольше, дабы вывести Белку в люди. За эти годы именно по этой причине Угрюм и не вступил в какой-либо из отрядов.

Белка, кстати, молодец, шустрая девчонка, сделала считай карьеру, стала заместителем командира отряда, специального поисково-разведывательного отряда. Или же для краткости спецотряда. Это не хухры-мухры, не пехота и даже не погранцы. Можно сказать, элитное под-

разделение Клиса. Но и служба там была не сахар. Можно было несколько лет просидеть в казарме и тренироваться, а могли отправить в самую опасную срань. До пенсии немногие разведчики-спецы дослуживались. Теперь ее все звали Белкой. Тот хвост беличий она иногда вплетала в прическу или вешала на плечо. Бывало, что крепила хвост на ремень чуть пониже поясницы. Позднее она еще и уши беличьи где-то раздобыла и приторочила их к тиаре. Смотрелось эффектно. Ну вылитая белка с ее-то почти красными волосами. Быть может, из какого-нибудь похода еще и шкуру саблезуба привезет. Будет и шикарная накидка, непроницаемая холодом. И отличный голенищный клинок из клыка можно будет сделать. Ну это как служба пойдет. Лучше бы всю службу провела в казарме. Может и с войной все как-нибудь рассосется. Может, договорятся. Хотя в это верилось с трудом.

К слову, о карьере. Угрюм тоже чуток подпрыгнул по карьерной лестнице. Так как он был свободным бойцом, никто его не заставлял вступить в новый отряд. Поступило предложение приписаться к казарме мастером по рукопашному бою. Работа вообще не пыльная, оплата достойная. Как сыр в масле катался, а главное, что он был ближе к дочке. Ну и тренировал зеленых да получал стабильный оклад. Хотя и не лежала душа к практически кабинетной службе, но внезапно обретенная семья вынудила его принять предложение. Тут еще эта грядущая война внесла интересные коррективы. Назначили Угрюма сводным командиром стрелковых расчетов восточной стены. Стало быть, командиром над командирами отрядов лучников. Старшим лейтенантом. Прыгнул через голову, значит, лейтенанта, ведь как мастер-рукопашник он получил лишь звание сержанта. Обязанностей тоже не много. Корректировать огонь расчетов, следить за материальным обеспечением на стене, ну, чтобы всегда в наличии стрелы были, копыя там, баллисты досмотрены и прочее.

Была правда и вишенка на торте, если можно, конечно, привести такую аналогию. Как почетная часть обязанности Угрюму надлежит руководить защитой восточного участка стены, если вражины прорвутся. А после прикрывать отход основных отрядов в норы. Это на тот случай, если обороне вообще капец присниться. По сути, если отбросить всю шелуху, лучников списывают в расход, очень мало шансов уйти в лабиринты, прикрывая отход остальных. Тупо не успеют. И самое противное, что его даже не водили изучать сеть подземных туннелей и ходов, просто выдали карты и велели выучить. Но карты – это одно, и совсем другое – запомнить передвижение по ходам лично. В общем, намек, что ты теперь мученик-доброволец. В картину мира, где он опекает до старости свою новоявленную дочь, это не вписывалось. Но приказ есть приказ. Что уж там. Она девка шустрая, прорвется, если что. А в качестве компенсации выдали метридиевый значок старшего лейтенанта. Красивый, зараза. В форме головы сокола, держащего в клюве не то крысу, не то еще какую тварь. Можно на китель пристегнуть, а можно плащ крепить. Ну и надбавка к получке. Вот надбавка – это хорошо. Нужно откладывать на приданое, все же дочь есть.

Так вот, по сигналу горна Угрюм бросил все, а бросить пришлось кружку эля и спинку сушеного щукорыба в трактире, и стрелой метнулся на восточную стену. Прилетел не первый, стрелковые расчеты уже занимали боевые позиции. Скомандовал проверить оружие и стрелы, вызвал командиров расчетов. Они-то и сами все знали, но ему, начальству, виднее. Вызвал, выдал ценные указания стрелять метко, стрелы почем зря не разбазаривать, поджечь костры под котлами со смолой. И залез в свою наблюдательную вышку. Вот эта вот его позиция была самым почетным в его новой работе. Стена вся же ровная, только бойницы открыты. И его вышка торчит как бельмо на глазу. Туда точно вражеский артиллерист запустит копьё или ядро, даром, что и вышки тоже усилили дополнительными каменными блоками. Ну что поделывать. Забрался в вышку, присмотрелся. Дозорный протрубил по сигнальному костру на первой дозорной вышке, что была в паре километров от поселения. Дым виден. А гостей пока не видно. Вот как раз на этот случай ему выдали оптический прибор. Прибор, блин. Ну и название, однако. Знает он один прибор. Так вот, это не прибор, а труба подзорная. Но по

Уставу прибор. Хотя, учитывая, что окуляра было два, то вроде и не труба, а прибор получается. Странная метафизика. Посмотрел в прибор и понял с облегчением, что сегодня войны не будет точно. На пределе видимости скакали всадники. Не много, тринадцать штук. Стало быть, быть переговорам. Так и логично же, перед войной-то нужно перетереть. Зачем сразу-то друг друга убивать. Логика военного этикета. Хотя какой этикет у этих ряженных бандитов?

Между тем процессия стремительно приближалась. Скакуны у них были из дорогих, не местные лошадки, наверное, из-за гор привезены. Вон как чешуя на Светиле поблескивает. О таких чешуйчатых парнокопытных Угрюм слышал. Не лошади это. Скорее уж ящеры, хотя если бы не чешуя и зубастая пасть, очень на лошадей похожи. Хорошо же живут имперцы, не даром годы они грабили Долину. Один из всадников выделялся. Был крупнее других. Одет во все черное. В принципе, вся группа всадников была одета в черные доспехи. И животные ездовые были черными. Ни дать, ни взять, черный отряд. Вот только этот здоровенный наездник скакал не на лошади, и даже не на ящере, а на здоровенном боевом кабане. Клычищи у того, как две сабли. Кабан был затянут в черный металл. Диво дивное! У остальных всадников доспехи блестели в лучах Светила. Металл, хороший металл. Тоже дорогое удовольствие. Свободные отряды одевались в основном в кожаные доспехи. И дешево, и сердито. Кожа-то болотных ящериц, такую замучаешься рубить. Вот стрела пробьет, если из большого лука, а болт выдержит. Ну не видели смысл прапоры тратить деньги на металлические доспехи. Очень дорого, тяжело. Драться не удобно. Металл, конечно, металлу рознь. Были и легкие металлические доспехи. Но это вообще раритет дорогущий, не местный, из-за гор. Раньше выплавляли и метридиевые вставки в доспехи. Но секрет выплавки давным-давно потерян. Да и стоять они могли дурные тысячи.

Так вот эти всадники явно не кряхтели под тяжестью доспехов вороненых. Вороненая сталь, легче кожи, ну и дороже раз в пятьсот. Клис себе такого позволить не мог. Аристократы могли. Но никто и никогда не видел аристократов в доспехах. Ну не может быть, неужели в Клис знать пожаловала переговоры вести. Чудная дичь! Эти товарищи никогда не вмешивались в дела мирские. Дань получали, трофеи гребли. И все. Руководили через представителей. В междоусобицы не лезли. Им все равно, кто руководит городами и деревнями. Лишь бы трофеи несли.

Угрюм переключил свое внимание на первого гораздо более крупного всадника. Крой доспехов был другой. Что интересно, на солнце они не блестели. Не металл. Но и не кожа. Могла быть краска. Но кому в голову придет красить доспехи? В первом же бою вся красота сойдет на нет! Шлем всадника полностью скрывал голову, сделан в форме черепа, уродливого такого клыкастого черепа, да еще и увенчанного тремя рогами. Жуть какая! То ли показалось, то ли действительно глаза горели красным светом. Жуткая жуть! Да и все доспехи, казалось, состояли из огромного количества разной длинны острых отростков-шипов: на плечах, на локтях, на коленях, да почти везде. Некое подобие крыльев на спине. Жутчайшая жуть! Кто бы это ни был, но эффект он производил. Хотелось убежать и с этим жутким товарищем не связываться. Аж мурашки по спине. Тот еще посол. О чем тут могут быть переговоры? О быстрой смерти?

С приближением кавалькады стало очевидно, что предводитель был явно значительно крупнее своего эскорта. Выше головы на две так точно. Могучие плечи. Возможно, это доспехи такие огромные. А может и сам владелец отличался шкафообразными габаритами. Ну размерами как тот горный орк. Хотя орки-то особо доспехами себя не увешивали, насколько знал Угрюм. У них своя кожа толстенная, рубилась сложно, говорят. Угрюм не встречался с орками. Стычки с ними бывали в предгорьях, когда те пробирались грабить приграничные деревни. Северные пограничные отряды рассказывали, что те здоровые, зеленые, голые, рубят с двух рук, что те берсерки. Как мельница из мечей на тебя идут. Воевать с ними сложно. Благо, их мало приходило на грабежи. Да и редко они ходят грабить. Ну и штука есть хитрая, как их

осилить – нужно завалить их командира. Тогда они как шакалы бросают битву. Так рассказывали. Орк что ли в Клис пожаловал? Чудно это все, очень чудно.

Кавалькада остановилась в ста метрах от восточных ворот. Их уже можно было рассмотреть даже без прибора. Нет, не знать это, ну почти. Какой-то элитный отряд. Ростом все с людей. Знать то длиннющая и тощая. Больше двух метров. Вот кстати о знати. Таки было два тощих длинных тела в балахонах и капюшонах. Без доспехов. Эти две жерди последовали за здоровенным вожаком к воротам. Вожак держал желтый флажок. Даже не то, чтобы держал, а воткнул его себе в правый наплечник. Теперь было видно, что в наплечниках есть пазы, куда можно флажки вставить, ну или перья, или хвосты, или еще какую дрянь. В общем, простор для украшательства доспехов. Желтый флаг был знаком переговоров или дипломатической миссии. «– Может, таки договоримся», – все еще смутно надеялся Угрюм, хотя и понимал, что не о чем тут договариваться. Горнист протрубил сигнал к открытию ворот. Троица спешила и спокойно вошла в ворота. За широченной спиной вожака знати было не видно. Знать в переговорах! Такого не было, наверное, с самого основания независимых городов их Долины. То есть многие сотни лет. Угрюм понимал, что что-то очень непонятное и даже нездоровое произошло с основанием империи Винов. Ну, скоро все тайное станет явным. Генерал не привык скрывать политические решения.

Из внутреннего форта вышел майор Хрыч, весь в боевых кожаных доспехах, но без шлема и оружия. Стало быть, намекает на мирные переговоры. А вот сам Генерал не вышел. Мол, много чести лично встречать. Показывают, значит, кто тут хозяин положения. Вожак же чужаков достал из заплечных ножен огромный фальшион, метров двух в длину. Оружие орков. Офигеть! Они ж тяжеленные. Говаривали, что вплавляли в такие мечи тяжелые металлы, обычно ближе к концу лезвия. Орки могли одним ударом перерубать тысячетные горные ели. А те в обхвате около двух метров. Сказки. Или нет? Фальшион – меч с очень широким лезвием, расширяющимся и слегка загнутым к острию. Короткие фальшионы есть и в оружейных Клиса. Их все больше для прорубания тропинок в чащах используют. А походы в лес случались не часто. А тут такая громадина.

Вожак легко одной рукой воткнул меч в землю, тот ушел чуть ли не на полметра в глубь. Ну и силушка. Снял шлем, водрузил его на меч. Красный огонь в глазницах шлема пропал. Но остался в глазах вожака. Чертовщина? Никогда Угрюм не видел, чтобы глаза кого-бы то ни было испускали свечение. Только хищников, да и то ночью. И это вроде как отражение света было. А тут явно глаза вожака тускло светились кровавым светом. Лицо тоже было необычным. Большой лоб, огромные тяжелые челюсти, кривой нос с горбинкой. Огромная борода закрывали все от щек и ниже. Черная борода. Густые почему-то рыжие брови. А вот голова была наголо бритой или лысой. В ушах были серьги – достаточно большие желтые кольца. Из рта виднелись клыки. Все лицо было в жутких боевых шрамах. Много боев повидал этот странный верзила. Ну точно, орк. Нет, не совсем орк. Кожа была смуглой, не зеленой. Все же черты лица были не такие массивные и грузные, как у орков с картинок. Полукровка? Но таких убивали, как только обнаруживали свои же. Очень странным все это казалось Угрюму.

Хрыч спросил, с кем имеет честь разговаривать. И что, собственно, пришельцу нужно от свободного поселения Клис. Вожак ответил сильным громким басом, словно раскаты отдаленного грома. Явился в Клис никто иной, как сам император Вин. Вин первый и единственный, как сам император и изволил выразиться. Повелитель Долины, трех городов и всех поселений. В сопровождении великой знати Света. Это он что, возомнил себя еще и повелителем Клиса? Какой шустрый. Цель визита он заявил такую: сеять мир в долине, сплотить разрозненные поселения под знаменами величайшей империи Винов, заключить соглашение о вхождении в состав империи. Челюсть Угрюма отвалилась. «– Сеятель, блин, великий. Без него бы мира не было. Ну-ну», – выругался Угрюм. Но таки речь шла о мире. Хотя мир предлагался в составе империи. Звучало хоть и высокопарно, но как предложение о капитуляции. На каких, инте-

ресно, условиях? Все бы отдал Угрюм, чтобы побывать в церемониальном зале внутреннего форта на переговорах. Но не про его честь такие терки. Хрыч слегка поклонился, дипломат фигов, и жестом пригласил следовать чужаков за ним в форт. Все же прав был Угрюм, когда предполагал, что Империи интересен единственный ресурс Клиса – отряды.

Атмосфера на стене несколько разрядилась. Не было уже этой звенящей тишины как перед боем. Бойцы немного расслабились, понимали, что войны сегодня быть не должно. Полетел шорох тихих разговоров. Слышались отдельные слова, что-то об орке, об Императоре, знати. Действительно, многое было удивительным. Если знать скорешилась с имперцами, Империя тогда надолго. Против знати народ взбухать не будет. Была одна байка-сказка, что в древние времена вся Долина воспротивилась приходу власти знати. Так, говорят, просто выжгли всю Долину натуральным огнем. А потом заново заселили. Сказки, скорее всего, но никогда не слышал Угрюм, чтобы бузили против знати. Старейшину зарвавшегося могли селяне на вилы поднять. В городе переворот против вече устроить могли горожане. А вот знать всегда была неприкасаема. И, что характерно, знать практически не влезала в дела мирские и духовные. Знай себе собирала дань из трофеев, да и все. Бывало, правда, если война какая меж городов долго длилась, могла знать бойню прекратить и решить конфликт. Но и в такие дела очень редко знать вмешивалась. Например, когда бандюги захватывали независимые города, Аристократы словно бы и не заметили сего события.

С такой опорой, как знать, нет шансов против империи. Клис один Империю не сдюжит. Печальные времена наступают, рассуждал Угрюм. Да и сам Император Вин совсем необычный персонаж. Явно, полукровка, не местный. Если смог возглавить банду, перебить остальные банды и городские ополчения, стало быть сила за ним стоит солидная. Мелькнула шальная мысль, что с имперцами лучше не завязываться, договориться, пусть даже на условиях вассалитета. Может хоть какую автономию сторгуют. Ну будет имперский Клис, пусть они там, за пределами Клиса насаждают свою диктатуру, а в Клисе будет свобода. Надо с Хрычом перетереть, узнать все. Угрюм в последние годы сильно скорешился с Хрычом на теме успехов Белки и совместного употреблении забористого эля. Может, даже Совет старших офицеров созвать. К Совету Генерал может прислушаться.

За этими мыслями пролетело пару часов. Двери форта открылись, Император в сопровождении аристократов, Генерала и Хрыча вышли. Вся процессия дошла до ворот. Надевая шлем, император повернулся к Генералу и пробасил:

«– Месяц. Один месяц у тебя есть, старый вояка. Думай правильно!».

Развернулся и ушел. Генерал руки не протянул, лицо его было мрачным и жестким. Ну ясно, все плохо, не просто плохо, все хреново. Не договорились, стало быть. Был предъявлен некий ультиматум. Нужно обязательно поговорить с Хрычом, разузнать.

Тем временем, отряд Императора ускакал восвояси. Горнист протрубил отбой боевого расписания. Бойцы начали расходиться по своим обычным делам. Угрюм поспешил в казарму, к Хрычу. Тот уже был в своем кабинете, развалился на кресле и глушил эль. На столе разложил сушеную мурену. Редкая рыбка. Рыба вообще в их области была редким явлением, ни рек, ни озер рядом. На базар же обычно привозили сельдь-рыбешку мелкую. А мурена водилась только в пограничной Фиолетовой реке. Никакой магии в этом цвете не было. Водоросли там росли гигантские, фиолетовые. От них и такой странный для воды цвет. Говаривали, что иногда она и ночами светится, эта странная река. Но если всем сказкам верить, страшно жить будет.

Угрюм на западных границах, как и на любых других границах, не был, реки Фиолетовой в глаза не видел. Но знал, что эти гадкие водоросли очень мешали судоходству. Намертво стопорили лодки. Поэтому и рыболовство там – жуткий экстрим. Мурены были страшно дорогими. Да и другие рыбы из этой реки отличались высокой ценой. Но вот Хрыч таки расчехлил свой неприкосновенный запас. Это удачно Угрюм зашел, на рыбку-то. Хрыч злобно зыркнул на Угрюма, хотел было смести рыбу со стола, да понимал, что поздно уже, не спрячешь. Только

сварливо посетовал, что на старости лет забывает запирать кабинет, и несет всех нелегкая, не отдохнуть от важных дел. Ага, очень уж дела у него важные. Как бы не так. Эль жрать, вот его архиважнейшее дело. Хрыч резким ударом кинжала отсек хвостовую часть рыбины, толкнул в сторону Угрюма, кивнул на бочку эля и приказал запереть-таки дверь, чтобы еще какого нахлебника не принесло.

Вот это дело. Война подождет, а эль под мурену, да еще и за счет Хрыча... Этот хреновый день начинал исправляться. Угрюм нагло ухмыльнулся. Подождут разговоры. Какое-то время бойцы, молча и неторопливо смаковали рыбину, хлебали эль. Полбочонка успели приговорить. В голове зашумело, потянуло на разговор. Вот это удачно, быть может, Хрыч чего и сболтнет лишнего. Угрюм начал издали, поинтересовался как дочурка его, Белка, армейскую лямку тянет. Рожа Хрыча посветлела. Нравилась ему Белка, ну в смысле, как боец. Говорит, что отличница она боевой подготовки. Стреляет лучше всех, клинки в двух руках вертит будь здоров, получает высокие оценки на тактике, скрытному передвижению и ориентированию на местности. В общем, была бы командиром, если бы не происхождение. Но, говорит, в условиях войны командиры быстро меняются. Будет ей карьера. Ну и славно, все у девчушки хорошо. Потом правда добавил, что все же с двух рук она работает не так хорошо, как с клинком и щитом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.